

禪

味

Д.Т. Судзуки

ЛЕКЦИИ
ПО ДЗЕН-
БУДДИЗМУ

ББК 86.39
С 89

Судзуки Д.Т.
С 89 Лекции по Дзэн-буддизму. Авториз. пер. с англ.,
вступ. ст. М.А.Мамоновой, А.В.Иванова. – М.,
Ассоциация молодых ученых, 1990. – 112 с.

ISBN 5.87232-006-x

ББК 86.39

© АСМ, 1992

От переводчиков

Вдумаемся, привычны ли для западного понимания такие, к примеру, строки:

Ворон на ветке

Сидит одиноко.

Осенний вечер.

Каков он, мир, скрывающийся за известнейшим стихотворением - хокку японского поэта Басё? Можем ли мы быть уверенными в том, что сущность восточного мирозерцания передана здесь адекватно? Сопоставима ли она с нашим европейским образом действительности?

Ответы на эти непростые вопросы можно обрести лишь путем взаимоуважительного, искреннего и насыщенного диалога культур, где гордость за свою собственную национально-культурную традицию соседствует с благородным стремлением обогатить и преумножить ее достижениями других культурно-исторических миров.

Предлагаемые советскому читателю лекции известного исследователя Д.Т.Судзуки составляют первую часть коллективного труда "Дзэн-буддизм и пси-

хоанализ",* в котором помимо японского ученого приняли участие и западные исследователи - Эрих Фромм и Ричард де Мартино. В книге была предпринята весьма показательная для современных духовных исканий попытка напрямую сопоставить структуры восточного, интровертивно-интуитивного подхода к природе человека с западным экстравертивно-логическим анализом человеческого существования.

Исходя из этой задачи "наведения" межкультурных мостов, первоначально весьма заманчивой выглядела попытка составителей книги свести воедино дзэнскую традицию восточного мирозерцания с западным психоаналитическим подходом к человеку. Дело в том, что с одной стороны, достаточно отчетливо прорисовывалась единая предметная область для продуктивного диалога - бессознательное у человека, а с другой, можно было надеяться и на обнаружение методологических точек соприкосновения, поскольку само возникновение психоанализа в недрах классической западной науки знаменовало собой один из поворотных пунктов движения к новому, неклассическому идеалу научной рациональности. Вспомним в этой связи, что один из столпов психоанализа и один из самых резких критиков традиционных идеалов европейской науки - К.Г.Юнг - не раз обращался в своем творчестве именно к восточным, в том числе буддийским, религиозно-психологическим идеям и методам. Иными словами, лучших претендентов, чем Дзэн-буддизм и психоанализ, на роль духовных "связников" между восточным и западным пониманием человека, казалось, трудно было себе представить.

Но книга, вопреки ожиданиям, не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Не то, чтобы она получилась скучной или малосодержательной - как раз нао-

* В настоящем издании читателю предлагается только первая часть труда "Zen Buddhism and Psychoanalysis".

борот: научный уровень и эрудиция ее авторов гарантировали высочайшее качество текстов. И действительно, Судзуки в присущем ему стиле глубоко и тонко написал о Дзэн и европейском сознании, а Фромм дал по-фроммовски блестящую неопрейдистскую интерпретацию Дзэн, но, к сожалению, в книге не получилось самого главного: взаимообогащающего диалога и синтеза разнонаправленных культурно-философских традиций. Дзэн остался Дзэном - таинственной восточной не то религией, не то экзистенциальным откровением, не то квинтэссенцией обыденной мудрости. Психоанализ же остался психоанализом - влиятельным и оригинальным направлением современной европейской культурологии, психологии и клинической психиатрии. Дзэн получил возможность напрямую высказаться о европейском техно-логическом рассудке, а европейский систематический ум еще раз снизошел до загадочной и внедискурсивной азиатской души. Каждый в итоге остался при своем мнении в рамках своей собственной культурно-исторической традиции. Западный кремь ударил о восточное кресало, но ожидаемые искры взаимопонимания, увы, не посыпались.

Впрочем, вряд ли следует особенно удивляться подобному неутешительному итогу. Как сможет удивостовориться сам читатель из нижеприводимых лекций Судзуки, крупнейший современный знаток и интерпретатор Дзэн был глубоко убежден в том, что европейской науке, включая психоанализ, попросту не дано проникнуть в тайники человеческого "Я", корнящиеся в его бессознательно-космических глубинах. В свою очередь, с первых же строк выступления Э.Фромм склонен рассматривать Дзэн как религиозно-мистическую доктрину или в лучшем случае как "теорию" духовного спасения, но ни в коем случае не как систему научных представлений, которые можно рационально анализировать и критиковать. "Психоа-

нализ является научным методом, - уверенно заявляет немецкий философ, - безрелигиозным по самому своему существу. Дзэн же есть теория и техника достижения "просветления", которые на Западе называют не иначе, как религиозными или мистическими. Психианализ есть терапия умственных недугов; Дзэн же есть путь духовного спасения".* Как видим, исходные, "жесткие" предпосылки западного и восточного мышления попросту исключили возможность творческого диалога, хотя каждый из рядоположенных монологов оказался исключительно содержательным и по-своему глубоким.

Необходимо подчеркнуть один любопытный момент. Текст Судзуки написан специально для европейского читателя. Автор, в сущности, поставил перед собой почти неразрешимую задачу: рационально донести до рационально мыслящего европейца учение, которое целиком построено на очищении сознания от замутняющих его культурно-рациональных наслоений. Изоциренная техника погружения в бессознательные слои психики и методы творческой балансировки на грани сознания и бессознательного открываются здесь именно сознанию западного человека, причем в достаточно ясной, систематической и логичной форме. Доктрина практического психотехнического устремления из сознания классической дихотомии "субъект-объект" доводится здесь до европейского мышления традиционным методом текстовой объективации информации, противостоящей субъективному сознанию реципиента. Короче говоря, то, что должно постигаться = проживаться непосредственно, передается у Судзуки средствами символического опосредствования; то, что обращено к чувству и интуиции должно быть освоено понятийно мыслящим рассудком. В каком-то смысле доктрина Дзэн в лекциях

* Fromm E. Psychoanalysis and Zen Buddhism // Zen Buddhism and Psychoanalysis, p. 77.

Судзуки должна рассматриваться читателем в виде своеобразного коана - парадоксальной загадки, которую невозможно принять и разрешить разумом, но которую надо постараться хотя бы интуитивно схватить и эмоционально прочувствовать, вслушиваясь в движения собственного Я.

Рискнем высказать одно, возможно, парадоксальное предположение. Быть может, именно российская культура, взошедшая на перепутье между Востоком и Западом, способна лучше, чем кто бы то было прочувствовать глубинный смысл дзэнского подхода к миру и человеку. У кого-то буддийское "Космическое Бессознательное" вызовет ассоциации с русским социокосмизмом, хотя бы с той же "Волей Вселенной" К.Э.Циолковского. Диалектическая структура дзэнского коана, отсылающего нас к поиску запредельных для разума ответов на последние вопросы бытия, быть может, свяжется у кого-то с "антиномическим разумом" о.Павла Флоренского, противоречивость и надломленность которого преодолевается лишь в интуитивно постигаемом трансцендентном бытии Бога.

Не исключено, что нравственные идеалы любви и жертвенности, которые привносит в каждый миг своего земного бытия дзэнский адепт, познавший истину в сатори, у кого-то вызовут в сознании мысли о православной традиции праведничества и духовного подвижничества, где высота нравственного восхождения Я прямо пропорциональна светоносной силе любви и сострадания, даруемых людям.

И уж совсем зримыми могут показаться параллели между ролью учителя в восточных учениях и в традициях русского старчества. Учитель (гуру) и здесь и там является высшим нравственным авторитетом и духовным поводырем, но он не указывает, что мы должны или не должны делать, не насилует нашу самость. Его задача совсем иная - ненавязчиво

пробудить в ученике волю к духовному восхождению и, тем самым, проявить скрытую от него же самого космическую мощь и беспредельность его "микрокосма". Общение с духовным учителем непосредственно, глубоко лично и интимно; ученик сам свободно выбирает наставника и столь же свободно может его покинуть. Впрочем, аналогии между восточной и русской культурными традициями можно множить бесконечно, но они рискуют увести нас далеко в сторону от первоначальной темы разговора - от концепции Дзэн в интерпретации Судзуки, с которой предстоит ознакомиться читателю.

Выскажем в заключение еще одну мысль. Наши восточные корни не менее глубоки и прочны, чем западные, и российская культура, быть может, не всегда до конца осознавала и разумно использовала их плодonoсящую силу, хотя во многом на Востоке черпал мудрое вдохновение гений Льва Толстого; на Востоке в полной мере зажглась неугасимая звезда Н.К.Рериха, и именно на Востоке помещали Беловодье - обетованную землю братства и справедливости - русские крестьяне. Как знать, возможно как раз российской культуре и суждено, наконец, осуществить долгожданный гармоничный синтез восточного и западного культурных потоков единой человеческой цивилизации. В любом случае мы надеемся, что знакомство с Дзэн-буддизмом, одним из оригинальнейших и глубоких духовных учений Востока, должно быть безынтересным для советского читателя.

май 1990 г.

М.А.Мамонова,

А.В.Иванов

I

ВОСТОК И ЗАПАД

Многим мыслителям Запада так или иначе довелось иметь дело с вековой проблемой "Восток и Запад". Но насколько мне известно, редко кто из дальневосточных писателей выражал свое миропонимание как специфически "восточное".

Этот факт побуждает меня сделать небольшое предварительное отступление.

Басё (1644-1694), великий японский поэт, написал однажды семнадцатисловное стихотворение (этот жанр известен под названием *хайку* или *хокку*). В переводе оно звучит примерно так:

Когда я внимательно всматриваюсь,
Я вижу цветущую назуна
Около изгороди!

Йоку миреба
Назуна хана саку
Какине кана.

Очевидно, Басё, шедший деревенской дорогой, вдруг заметил нечто, полускрытое изгородью. Подойдя поближе, он хорошенько взгляделся и понял, что перед ним ничем не примечательный, невзрачный цветок дикого растения, на который прохожие не обращают ровным счетом никакого внимания. Этот обыденный факт, представленный в стихотворении, не овеян никаким особым поэтическим чувст-

вом, за исключением, пожалуй, лишь двух последних слогов, читающихся по-японски как кана. Эта частица употребляемая с существительным, причастием или глаголом, призвана выразить чувства восхищения или благодарности, печали или радости. Перевод этой частицы на английский знаком восклицания весьма приблизителен. А в данном хайку по существу все стихотворение основано на этом окончании.

Особое чувство, пробуждаемое семнадцатью или пятнадцатью слогами да восклицательным знаком, скорее всего будет малопонятно тем, кто не знаком с японским языком. Попытаюсь объяснить. Возможно, сам поэт и, не согласился бы с моей интерпретацией, но в данном случае это не имеет большого значения - если мы примем, что хотя бы кто-нибудь сочтет мое истолкование правильным.

Прежде всего, Басё, как и большинство восточных поэтов, воспеваает природу. Их любовь к природе столь велика, что они слышат биение ее пульса, чувствуют единение с нею. Большинству людей на Западе привычнее противопоставлять себя природе. Они склонны думать, что по своему существованию человек и природа имеют мало общего, а природа существует лишь для удовлетворения утилитарных потребностей человека. На Востоке же люди ощущают близость к природе. Именно это чувство всколыхнул в душе Басё неприметный, неприятный цветок, приютившийся около ветхой изгороди на заброшенной проселочной дороге. И, однако, приглядитесь, как нежен этот скромный цветок, как полон божественного величия! Сама его застенчивая прелесть вызывает искреннее восхищение. В каждой мелочи художник угадывает сокровенное таинство жизни. Возможно, Басё этого и не осознавал, но в тот момент в его сердце трепетало чувство, сходное с тем, что христиане называют божественной любовью, достигающей глубочайших глубин Космической Жизни.

Вершины Гималаев могут пробудить в нас благоговейный страх, волны Тихого океана ассоциируются с бесконечностью. Но душа, поэтически, мистически или религиозно открытая миру, способна открыть, подобно Басё, что в мельчайшей травинке сокрыто нечто запредельное, нечто трансцендентное обыденным людским переживаниям, что поднимает человека ввысь, в царство, величием своим равное Раю Небесному.

Реальные размеры явления при этом совершенно не важны. Японский художник обладает особым даром - узреть в малом великое, выходящее за пределы его физического существования.

Такоф Восток.

Посмотрите теперь, как в сходной ситуации может быть представлен Запад. Возьмем Теннисона. Возможно, это не самый типичный западный поэт, чтобы сравнивать его с поэтом Дальнего Востока. Но тем не менее одно его небольшое стихотворение перекликается с Басё. Вот оно:

Цветок в шероховатой стене.
Я вытащил тебя из щели, -
Держал, корни и все остальное в руке.
Маленький цветочек - но если бы я понял
Тебя, корни и все остальное, и все во
всем,
Я узнал бы, что есть Бог и человек.

В этих строчках я замечаю прежде всего два момента:

1. Теннисон срывает цветок и держит его в руке, "корни и все остальное", внимательно разглядывая. Похоже, он испытывает чувство, сходное с тем, что переживает Басё, обнаруживая у изгороди цветущую *назуна*. Однако здесь есть существенное различие: Басё не срывает цветок. Он лишь вглядывается в него. Он впитывает его мысленно. Он ощущает в душе не-

что, не выражая это прямо, а лишь предоставляя восклицанию выразить, все, что он хочет сказать. Ибо нет подходящих слов, его переживание настолько глубоко и всеобъемлюще, что отсутствует сама попытка концептуализировать, ясно оформить свое чувство.

Что касается Теннисона, то он аналитичен и деятелен. Первым делом он выковыривает из щели цветущее растение. Он разъединяет его с землей, где оно произрастало. В отличие от восточного поэта, он не может предоставить цветок самому себе; он должен вытащить "корни и все остальное", что означает для цветка смерть. Только вивисекция ведет к удовлетворению любопытства. Басё даже не прикоснулся к *назуна*, все что он сделал - это внимательно взгляделся. Его пассивное поведение сильно контрастирует с активностью Теннисона. Я хотел бы особенно подчеркнуть этот момент и, при случае, вернуться к нему.

Восток молчит, в то время как Запад витийствует. Но молчание Востока не означает, что безмолвствуя, он остается бессловесным или безгласным. Во многих случаях молчание не менее красноречиво, чем слова. Запад возвеличивает вербализм, более того, он заставляет его сверкать повсюду, даже в религии и искусстве.

2. Что далее делает Теннисон? Рассматривая сорванный цветок, который уже начинает увядать, поэт задается вопросом: "Понимаю ли я тебя?" Басё не столь прямолинеен. Он ощущает таинство, уходящее корнями в глубины сущего. С его потрясенных уст срывается невыразимый, неслышный крик.

В противоположность этому, Теннисон продолжает свое интеллектуальное вопрошание: "Если бы (выд. Д.Т.Судзуки - пер.) я понял тебя, я узнал бы, что есть Бог и человек".

Подобного рода понимание характерно для Запада. Басё приемлет, Теннисон настаивает. Индивидуальность Теннисона оказывается запредельной

цветку, "Богу и человеку". Он не отождествляет себя ни с Богом, ни с природой. Он отделен от них. Его тип понимания современный человек назвал бы "научно-объективным". Басё же всецело "субъективен". Это не совсем удачное слово, ибо субъект немислим без своей противоположности - объекта. Я же подразумеваю под субъектом нечто иное - "абсолютную субъективность". Именно она формирует такую ситуацию, где Басё созерцает *назуна*, и *назуна* созерцает Басё. Здесь нет ни эмпатии, ни симпатии, ни какой-либо идентификации.

Басё говорит: "внимательно вглядываюсь" ("йоку миреба", яп.). Слово "внимательно" включает в себя важный элемент: Басё не просто извне глядит на цветок, но само растение, через него как бы осознавая себя, красноречивым безмолвием выражает свою сущность. Значимое молчание цветка эхом отражается в семнадцати слогах стихотворения. Подобное - глубина ли чувства, таинство ли бытия, даже философия "абсолютной субъективности" - может быть доступно лишь тому, кому довелось это действительно испытать.

У Теннисона же, насколько я могу судить, на первом месте отнюдь не глубина переживаний, а интеллект, столь типичный для западного сознания. Он представляет доктрину Логоса. По поводу конкретной ситуации он должен что-то изречь, провести абстрагирование и интеллектуализацию. Ему необходимо, чтобы диктат чувств уступил место диктату рассудка; чтобы жизнь и переживания превратились в серию аналитических опытов. Тогда только инквизиторский дух Запада обретает успокоение.

Я выбрал Басё и Теннисона, чтобы на их примере выявить два характерных подхода к реальности, Восточный и Западный. Сравнивая этих двух поэтов, мы видим за их фигурами нечто большее, чем они сами, - историческую традицию. Западный склад ума обладает следующими чертами: он аналитичен, диф-

ференцирующ, индуктивен, индивидуалистичен, интеллектуален, объективен, научен, обобщающ, концептуален, схематичен, надперсонален, законотворящ, организирующ, властолюбив. Этим западным чертам мышления и мировосприятия можно противопоставить характеристики Востока: синтетизм, стремление к целостности, интегративность, дедуктивность, несистематичность, догматичность, интуитивность (скорее, даже аффективность), внедискурсивность, духовную индивидуацию при социальной значимости группы* и т.д.

Чтобы персонализировать эти характеристики, обратимся к фигуре Лао-цзы (IV в. до н.э.), крупнейшего мыслителя древнего Китая. Он будет олицетворением Востока, а что касается Запада, то здесь целое множество представителей. Хочу оговориться, что "целое множество" не означает какого-то пренебрежения к Западу или умаления его заслуг.

Лао-цзы создает облик "сумасшедшего". в том смысле, будто он ничего не ведает, ничего не знает. Он - абсолютно вне утилитарных потребностей мира. Он практически нем. И однако в нем заключено нечто такое, что мы понимаем: образ невежественного простачка - лишь оболочка.

В противоположность этому, Запад обладает парой всевидящих, всепроникающих глаз, взирающих на внешний мир из глубоких глазниц, как зорко взирает с высоты парящий в небе орел. (Интересно, что именно орел олицетворяет национальный символ одной из западных держав). И весь облик орла, контур

* Христиане считают церковь средством спасения, поскольку именно церковь символизирует Христа-спасителя. Христиане свяваны с Богом не непосредственно, а через Христа, а Христос - это церковь, и это место, где они собираются для молитвы Богу и мольбы о спасении через Христа. В этом отношении христиане группо-центричны, хотя в социальном плане они исповедуют индивидуализм.

его хищного клюва - все выражает его интеллект и готовность действовать. Такая готовность характерна и для фигуры льва. Неудивительно, что лев и орел - символы Запада.

У Чжуан-цзы (III в. до н.э.) есть история о контон (хун-тун) - Хаосе. Его друзья многими своими достижениями были обязаны Хаосу и вот захотели расплатиться с долгами. Посовещавшись, они решили так. Поскольку Хаос не имел органов чувств, способных воспринимать мир, один подарил ему глаза, другой - нос, и вскоре приятели превратили Хаос в полнокровную чувственную личность, подобную им самим. Но не успели они поздравить друг друга с успехом, как Хаос умер.

Аллегория притчи проста - Хаос это Восток, а Запад - группа очаровательных в своем остроумии друзей.

Несомненно, во множестве случаев Восток предстает немым, сонным. Происходит это в силу того, что люди на Востоке не столь напористы и демонстративны в проявлениях своей интеллектуальности. Напротив, они зачастую кажутся индифферентными и хаотичными, но они твердо знают: без "хаотичной составляющей" разума последний был бы непригоден для истинно человеческой жизни в сообществе. Фрагментарные, частичные индивиды не способны к мирному и гармоничному совместному труду до тех пор, пока каждая конечность не осознает своей бесконечной и целостной сущности. Разум принадлежит голове человека и его работа более заметна; Хаос же хранит молчание и неподвижность под рябью внешних, поверхностных изменений. Истинная значимость Хаоса никогда не выступает наружу, не становится непосредственной очевидностью.

Западное мышление, ориентированное на науку, эксплуатирует интеллект, изобретая всевозможные ухищрения для повышения уровня жизни людей и

избавления их от так называемой "лишней" работы, тяжелой и нудной. Но тем самым развитие всей полноты скрытых в нашем сознании резервов оказывается затрудненным.

Восток же с легкостью берется за любую "грязную" работу; представляется, что он вполне удовлетворен неразвитым состоянием своей цивилизации. Восточное сознание избегает технической ориентации, боится превратить себя в раба машины. Пожалуй, любовь к работе как таковой - вот отличительная черта Востока. История Чжуан-цзы о крестьянине сохраняет всю свою значимость несмотря на то, что произошла она в Китае более двух тысяч лет назад.

Чжуан-цзы - один из величайших философов древнего Китая. Его сегодня следует изучать глубже, чем многих современных мыслителей. Но китайцы не столь спекулятивны, как индийцы, и они склонны отрицать наследие собственных мыслителей. И, в то время как Чжуан-цзы-стилист широко известен в литературных кругах, его идейное богатство до сих пор не оценено по достоинству. Он блестяще записал множество поучительных историй, характерных для его времени. Однако, многие истории, по видимому, плод его собственной фантазии, иллюстрирующие авторское видение жизни. Пример - притча о крестьянине без колодца.

Крестьянин пользовался родником для орошения своего поля. Воду он таскал самым примитивным способом, бадьей. Прохожий, увидев это, спросил: "Почему бы тебе не сделать колодец с журавлем? И силы бы сберег, и работы больше переделал". Крестьянин отвечал: "Я знаю, так было бы и легче и быстрее. Вот потому и не делаю. Боюсь, что, положившись на изобретение, стану рабом машины. А такое рабство рождает привычку к праздности и лени".

Люди на Западе частенько удивляются, почему у китайцев не получили большого развития наука и

техника. Им это представляется тем более странным, что именно китайцам принадлежат многие замечательные изобретения и открытия (магнит, порох, колесо, бумага и др.). Дело здесь в том, что китайцы, да и другие народы Азии, руководствуются принципиальным соображением: любить жизнь такой, как она есть, а не превращать ее в средство достижения чего-то другого. Это повернуло бы жизненный процесс в совершенно иное русло. Они любят трудиться ради самого труда, хотя, говоря объективно, всякий труд направлен на достижение чего-либо. Но, трудясь, они наслаждаются работой, а не спешат поскорее покончить с нею.

Механические приспособления более эффективны, но машина безлика, лишена творческого потенциала и тепла души. Механизация предполагает интеллект, а поскольку последний преимущественно утилитарен, машина не обладает одухотворенной эстетичностью или этической духовностью. Здесь кроется, как и у крестьянина Чжуан-цзы, причина страха очутиться в рабстве у машины. Машина заставляет человека побыстрее отделаться от работы, чтобы получить уже готовый результат. Труд как таковой теряет ценность, он выступает лишь средством. Можно сказать, что и жизнь вообще теряет свое творческое лицо и превращается в инструмент, а человек - в машину, производящую блага. Философы вздохнули и обсуждают значимость личности, но, как мы видим, сегодня, в эпоху мощной индустриализации и механизации, машина воистину является всем, а человек превращен в ее ничтожного слугу. Я полагаю, что именно этого опасался Чжуан-цзы. Конечно же, мы не повернем колесо индустриализации вспять, к ручному труду ремесленников. Но для нас было бы неплохо осознать всю значимость человеческих рук, а также зло, произрастающее на ниве современной механизированной жизни, превозносящей интеллект в ущерб целостности бытия.

Мы слишком увлеклись Востоком, и настала пора коснуться темы Запада. Дени де Ружмон в своем труде "Поиск западного человека" называет две основные характеристики западной культуры: "личность" и "машина". Это очень важная мысль, тем более что данная понятийная пара образует противоречие, за преодоление которого Запад и ведет неустанную борьбу. Не знаю, сознательно или неосознанно Запад стремится к этому. Я позволю себе лишь остановиться на взаимодействии этих гетерогенных понятий в мышлении современного западного человека. Выше уже отмечалось, что идея машины противостоит философии труда Чжуан-цзы. Точно так же западные положения об индивидуальной свободе и ответственности противоположны восточной идее абсолютной свободы. Не вдаваясь в детали, попытаюсь суммативно изложить противоречия, от которых наиболее остро страдает современный Запад:

1. Личность и машина образуют противоречие, в силу которого Запад переживает величайшее психологическое напряжение, выплескивающееся в формах современной жизни.

2. Личность обладает индивидуальностью, а также ответственностью. Машина же есть продукт интеллекта, абстрагирования, обобщения, коллективной жизнедеятельности.

3. Выражаясь языком "технотронного мышления", личная ответственность объективно лишена смысла, ибо логически она соотносима со свободой, а логика не имеет свободы внутри себя, поскольку подчинена жестким правилам схематики силлогизма.

4. Более того, человек как биологическое существо подчинен действию законов биологии. Наследственность - это факт, неустранимый никакой личностью. Мое рождение не зависело ни от моей воли, ни от свободы воли моих родителей.

5. Свобода - вот еще одно иллюзорное понятие.

Я живу социальной жизнью в группе, ограничивающей мою физическую и духовную свободу. Я не свободен даже в одиночестве, ведь многие импульсы и порывы собственного Я мне неподконтрольны. Пока мы находимся в этом ограниченном жизненном мире, бессмысленно говорить о свободе или волеизъявлении. Даже наши желания, по сути, нам не принадлежат.

6. Личность может сколько угодно рассуждать о свободе, но машина, ограничивая ее на каждом шагу, превращает все разговоры в пустой звук. Западный человек скован, ограничен, подавлен. Его непосредственность принадлежит машине, лишенной творческого начала, реализующей лишь то, что было в нее изначально заложено, и которая никогда не действует как "личность".

7. Личность освобождается только в самоотрицании, растворении в целостности. Точнее, человек становится свободен, являясь собой и в то же время не являясь. Пока это важнейшее противоречие не осознано, мы не вправе говорить ни о свободе, ни об ответственности, ни о творческом порыве. Поэтому непосредственность и спонтанность поведения в западной культуре не зрелы, а скорее напоминают мир животных или, в лучшем случае, мир детства.

8. Машина, бихевиоризм, условный рефлекс, коммунизм, искусственное осеменение, всеобщая автоматизация, вивисекция, водородная бомба - все это, каждое в отдельности и вместе, взаимосвязанные звенья единой, прочной логической цепи.

9. Запад вычисляет квадратуру круга; Восток пытается приравнять круг к квадрату. Для Дзэн - круг есть круг, квадрат есть квадрат, и в то же время квадрат является кругом, а круг квадратом.

10. Свобода - понятие субъективное, не имеющее объективного истолкования. Любая такая попытка ведет к противоречиям. Поэтому я и утверждаю, что

рассуждать о свободе в рамках объективного мира ограничений - по меньшей мере абсурдно.

11. На Западе "да" означает "да", а "нет" значит "нет", "да" не может стать "нет", или наоборот. Восток же располагает "да" чуть-чуть выше "нет", между ними нет строгого разграничения. По существу, именно это отражает настоящую жизнь как она есть. Только логика знает пропасть жесткого разделения. Логика - не больше, чем орудие, изобретенное человеком в своих утилитарных целях.

12. Когда этот факт был осознан на Западе, появился известный физический принцип - принцип неопределенности. Но существа дела не перехитришь, сколько постулатов и принципов ни придумывай.

13. Религиозное сознание остается за пределами нашего рассмотрения, но один момент хотелось бы отметить. Христианство, религия Запада, толкует о Логосе, Слове, озарении, воплощении, быстропроходящем времени. Религии Востока проповедуют развоплощение, молчание, погруженность, вечное умиротворение. Для Дзэн воплощение есть развоплощение; тишина грохочет подобно грому; Слово есть не-Слово; озарение есть не-Озарение; "здесь и теперь" тождественно бездонности (*sunyata*) и бесконечности.

II

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ДЗЭН-БУДДИЗМЕ

Мое понимание "бессознательного", по-видимому, отличается от психоаналитического, поэтому я должен дать ряд разъяснений. Прежде всего, мой подход можно обозначить как "метанаучный" или "внепаучный". Все вы сциентисты, а я - адепт Дзэн, в силу чего моя позиция зачастую даже не "внеаучна", а "антиаучна". Возможно, термины эти малоудачны, но, по крайней мере, они выражают то, что я хочу сказать. Согласно Дзэн, нам следует, прежде чем капитулировать перед сциентистским взглядом на всю человеческую деятельность, остановиться, заглянуть внутрь самих себя и спросить, а таковы ли вещи, какими они нам являются?

Научный метод предполагает изучение реальности с так называемой объективной точки зрения. Например, представьте в качестве объекта научного исследования цветок на столе. Ученые подвергнут его всевозможным анализам: ботаническому, химическому, физическому и т.д. - и расскажут нам о полученных результатах. Они будут уверены, что изучение цветка завершено и добавить к нему нечего, разве что дополнительные исследования принесут внезапное открытие.

Отсюда видна важнейшая черта научного способа мышления: познавать реальность - значит выде-

лять в ней объект, говорить о нем, двигаться *вокруг* него, выхватывать и *отчуждать* от него те черты, которыми заинтересовались наше восприятие и наш интеллект. Затем проделывается обратная операция - абстрагированные элементы синтезируются в общую картину, и именно она выдается за подлинный объект.

Однако остается открытым вопрос: удалось ли поймать в нашу сеть целостность объекта? Мой ответ однозначен: разумеется, нет! Ведь полученный таким образом "объект" есть не что иное, как сумма наших же собственных абстракций! Для практических, утилитарных нужд научный подход более чем достаточен, но "объекта" здесь нет и в помине. Когда мы вытянули свою замечательную сеть, обнаружилось, что сквозь ее ячейки многое ускользнуло.

Существует иной путь обращения к реальности, предшествующий научному или следующий за ним. Я назвал бы его путем Дзэн.

1

Суть подхода Дзэн проста - проникновение в объект и видение его как бы изнутри. Чтобы познать цветок, нужно стать им, цвести, наслаждаться солнечным теплом и перестуком дождя. Когда я достигну этого, цветок раскроется мне, заговорит со мной, но на своем собственном языке. Но мало этого: вместе с сокровенным постижением цветка я раскрою все секреты Вселенной, включая тайны собственного Я, которые в обычной жизни ускользают от нас, ускользают потому, что Я раздвоено на субъект и объект, на наблюдающее и наблюдаемое. Неудивительно, что Я превратилось в тень, в погоне за которой иссякли силы!

И вот, познав цветок, я познал себя. Только рас-

творив свое Я в цветке, слившись с ним, я обрел свою личность так же, как обрел ее цветок.

Этот способ проникновения в реальность я называю путем Дзэн, метанаучным или даже, если хотите, антинаучным путем.

Такое постижение мира можно обозначить как волящее или творческое. Сциентистский метод предполагает умерщвление объекта, разложение его на составные элементы и затем искусственное воссоединение частей, якобы соответствующее живому явлению. Воистину, безуспешная попытка!

Путь Дзэн стремится к иному - брать жизнь как она есть, а не складывать абстрактную мозаику из разрозненных кусочков. Пусть Дзэн не пользуется хирургическим скальпелем интеллекта. Поэт Дзэн говорит:

Все есть в ее естественной прелести

Кожа ее нетронута,

Кости ее первозданны.

Не нужны ей румяна и пудра.

Она есть она, ни больше, ни меньше.

Как она пленительна!

Науки имеют дело с абстракциями, где воление исключено. Дзэн же погружается в источник творчества и вкушает жизнь из чаши самой жизни. Этот источник - Бессознательное в Дзэн. Цветок не осознает самое себя; именно я своим отношением пробуждаю в нем сознание.

Вот, что утратил Теннисон, вырвав растение из стены, и что обрел Басё, лишь созерцая цветущую *назуна*. Где же обретается бессознательное? Во мне ли? В цветке? Пожалуй, даже сам вопрос "где?" неверен. Оно - нигде. И, пребывая в нем, мне лучше хранить молчание.

Ученый убивает, а воскрешает - художник. Зная, что аналитически реальность недостижима, художник при помощи холста, кисти и красок пытается вопло-

тить свое бессознательное. И когда это последнее сливается с Космическим Бессознательным, художник создает шедевр. Он становится подлинным творцом, его работа - не ремесленная копия чего-либо, а независимое, самодостаточное явление. Изображение цветка, расцветающего из подсознания художника, уже не есть простое подражание природе.

Настоятель одного дзэнского монастыря пожелал, чтобы в росписи потолка Зала Дхармы фигурировал дракон. Выполнить работу пригласили известного живописца. Согласившись, тот посетовал, что не видал настоящего дракона, если, конечно, он существует. Настоятель ответил: "Не беспокойся об этом. Не пытайся следовать условным деталям. Перевоплотившись в живого дракона, ты сумеешь изобразить его". "Как же мне это удастся?" - воскликнул художник. Ответ был таков: "Ступай к себе в комнату и сконцентрируй свое сознание. В тот миг, когда ты почувствуешь, что должен рисовать, ты станешь драконом, и он сам отольется в точную форму". Живописец последовал совету. Спустя несколько месяцев напряженных усилий он узрел дракона в глубинах своего бессознательного и обрел уверенность в своих силах. И вот, мы видим теперь изображение дракона на потолке Зала Дхармы в Миосиндзи, Киото.

Раз уж речь зашла о драконах, мне вспоминается еще одна история, на этот раз связанная с китайским художником. Он тоже собирался изобразить дракона, но прежде хотел бы его увидеть. И вот ему представился случай: в окно заглянул настоящий дракон и сказал: "Вот я, рисуй!" Живописец был настолько потрясен, что упал в обморок, вместо того, чтобы хорошенько разглядеть оригинал. Так ему и не удалось нарисовать дракона.

Только увидеть предмет - недостаточно. Требуется проникновение в него, проживание его собственной жизни. Говорят, что Торо был гораздо лучшим нату-

ралистом, чем многие профессионалы. То же можно сказать и о Гете. Они знали природу просто потому, что дышали ее дыханием. Ученые исследуют природу объективно, т.е. искусственно. Мы говорим "я есть ты", но это еще не истина, ведь тем самым предполагается, что и "ты" есть "я". Дуализм же всегда стоит на фундаменте единого. Наука черпает силы в дуализме, а ученые пытаются все свести к количественным измерениям. Вот зачем они внедряют всевозможные механические приспособления. Технология - главный элемент современной культуры. Все, что не может быть сведено к количественным параметрам, отвергается учеными как ненаучное или антинаучное. Они установили сеть правил, вне которых объекты считаются не относящимися к сфере научных исследований. Но как бы ни были удобны ячейки сети - на то они и ячейки, чтобы какие-то вещи проскальзывали сквозь них. Их уж никак нельзя измерить! Количества бесконечны, и в один прекрасный день наука будет вынуждена признать свою неспособность схватить Реальность. Бессознательное лежит явно вне сферы научного познания. Поэтому все, что доступно ученым - это указать на наличие данной области реального.

Бессознательное есть нечто, доступное только чувству, но не в обыденном смысле слова, а в том, что я называю исходным или основополагающим чувством. Возможно, здесь требуются пояснения. Когда мы говорим: "Я чувствую тяжесть стола" или "Я чувствую холод" - такие чувства легко отличить от слуховых и зрительных ощущений. Когда мы говорим: "Я одинок" или "Я взволнован" - то обнаруживаем более общие, всеохватывающие и интимные чувства, но также принадлежащие к области релятивного сознания. Чувство же бессознательного фундаментально и первично, оно отсылает нас к периоду *Детства*, когда еще не наступило пробуждение сознания из так называемого хаоса Природы. Природа, однако, не хаотич-

на, поскольку ничто хаотическое не может существовать само по себе. Это просито термин, присваиваемый области, не подвластной стандартным процедурам рационализации. Природа хаотична только в том смысле, что является источником бесконечных возможностей. Сознание, возникая из хаоса, является чем-то поверхностным, лишь скользящим по оболочке реальности. Наше сознание и есть не что иное, как незначительный островок суши в Океане, обнимающем землю. Но только благодаря этому островку сознания мы оказываемся способными проникнуть в тайники бессознательного; чувство бессознательного - вот все, что нам доступно, однако подобное чувство не есть нечто несущественное, поскольку только с его помощью мы можем постигнуть значение нашего конечного существования и, тем самым, убедиться, что живем не зря.

Наука же, по определению, никогда не сможет даровать нам ощущения надежности и безопасности, которые рождаются лишь из нашего чувства бессознательного.

Мы все не можем стать учеными, но наша природа устроена так, что все мы можем быть художниками - естественно, не в собственном смысле слова (живописцами, скульпторами, музыкантами или поэтами), а художниками жизни. Словосочетание "художник жизни" может показаться неожиданным и претенциозным, но на самом деле мы все, по праву рождения, являемся художниками жизни, но, не ведая об этом, большинство из нас не становятся таковыми в зрелом возрасте. В результате мы беспутно проживаем жизнь и лишь растерянно вопрошаем: "В чем смысл жизни?", "Не стоим ли мы на пороге беспросветного ничто?", "Прожив семьдесят восемь или даже девяносто лет, куда мы попадаем после смерти?" Большинство современных мужчин и женщин невротически озабочены поисками ответов на

эти вопросы. Но последователь Дзэн мог бы сказать им, что они попросту забыли свою природу художников - творческих художников жизни - и, как только они осознают истину, то сразу избавятся от всех своих невротозов и психических комплексов.

Что же означает быть художником жизни?

Любой художник использует различные инструменты для реализации своих творческих потенций. Скульптор пользуется камнем, деревом, глиной гипсом или любым другим материалом, чтобы воплотить в нем свои идеи. Но художнику жизни вовсе не нужно выходить за пределы самого себя. Все инструменты, технические средства, материалы и навыки, которые требуются - даны ему от рождения, причем даже до того, как родители произвели его на свет. "Это противоестественно, этого не может быть", - воскликните вы. Но если вы хотя бы немного поразмыслите, то, я уверен, поймете, о чем идет речь. Если же нет, то постараюсь высказаться еще более ясно: наше физическое тело есть материал, соответствующий холсту художника, дереву или глине скульптора, флейте или виолончели музыканта, вокальным данным певца. И все, что принадлежит телу - руки, ноги, туловище, голова, нервы, клетки, мысли, чувства, эмоции - все это, составляющее целостность личности, есть материал, посредством которого человек реализует свой творческий гений в процессе общения, в поведении, во всех формах деятельности и, в итоге, в самой жизни. Жизненный путь такого человека есть творческое отражение образов, которые он созидает из неистощимого источника бессознательного. Для такого человека каждое деяние выражает его творческую оригинальность, его живую самость. В нем нет соглашательства, кон-

формизма, внешней мотивации. Он действует так, как требует его внутреннее самоопределение. Его поведение подобно ветру, дующему свободно. Он не есть Я, погрязшее во фрагментарном, ограниченном, эгоцентрическом существовании. Напротив, он сумел вырваться из этой тюрьмы. Один из великих дзэнских учителей эпохи Тан изрек: "Только хозяин самого себя является человеком, живущим по внутреннему самоопределению". Таких людей я и называю истинными художниками жизни.

Его Я касается бессознательного, кладези бесконечных возможностей. Он - "не-сознание". Св.Августин сказал: "Люби Бога и делай, что хочешь". Это переключается со стихотворением Бунана, дзэнского мудреца XVII столетия:

Живя,
Будь мертвым человеком,
Совершенно мертвым;
И действуй, как хочешь,
И все будет в порядке.

Любить Бога - значит не иметь Я, не иметь сознания, стать "мертвым человеком", и быть свободным от ограничивающих мотиваций сознания. Подобное "утро" человека не содержит в себе собственно человеческого элемента, его ограниченного интереса. Его спрашивают - он отвечает. Он чувствует голод и ест. По сути он - естественный человек, пребывающий в природе, где нет изошренных идеологий современного цивилизованного человека. Но зато как богат его внутренний мир! Ведь он находится в непосредственном единстве с великим бессознательным.

Я не уверен, будет ли правильным назвать это бессознательное Космическим Бессознательным. Мне хочется назвать его именно так, поскольку то, что мы обычно именуем релятивным полем сознания, погружается в неосознаваемое. Но это неосознаваемое,

однажды познанное, начинает пронизывать наше повседневное сознание и разрешает все те затруднения, которые прежде терзали нас. Неосознаваемое, таким образом, начинает взаимодействовать с нашим сознанием и, до некоторой степени, неосознаваемое и сознание оказываются имеющими единую природу и способными к диалогу. Мы, следовательно, должны констатировать, что наше ограниченное (релятивное) сознание в той мере, в какой мы сознаем его ограниченность, виновно в наших страхах, страданиях и сомнениях. Но как только мы отдаем себе отчет, что наше сознание рождается из имманентно присущего нам начала (которое пусть и не может быть познано также, как все другие относительные вещи), как избавляемся от всех форм страдания, достигаем мира и гармонии как с самими собой, так и со всем мирозданием в целом. Можем ли мы теперь не назвать это неосознаваемое Космическим Бессознательным или источником бесконечного творчества, коль скоро не только художники по профессии черпают в нем вдохновение, но даже и мы, простые смертные, способны в соответствии со своими природными задатками превратить нашу собственную жизнь в великое произведение искусства?

Приведу историю, иллюстрирующую, что я понимаю под превращением повседневной жизни в произведении искусства. Долго, живший в XVIII столетии, был великим мастером Дзэн в эпоху Тан. У него был ученик, жаждавший познать Учение. Некоторое время он жил вместе с учителем, но не получал никаких наставлений. Однажды он подошел к нему и сказал: "Я довольно долго живу вместе с вами, но не получаю никаких инструкций. Будьте добры, объясните мне, в чем дело?" Учитель ответил: "Почему же? Я приобщаю тебя к Дзэн, начиная с того момента, как ты пришел ко мне". Ученик воскликнул: "Умоляю, скажите, в чем же состояло приобщение?!" "Когда утром ты поприветст-

вовал меня, я ответил тебе. Когда принес мне завтрак, я принял его с благодарностью. Где я не продемонстрировал сущности сознания?" Слушая, ученик склонил голову и, казалось был поглощен постижением смысла сказанных учителем слов. Учитель же продолжал: "Как только ты начал размышлять об этом, как предмет размышлений исчез. Ты должен схватывать суть мгновенно, без рассуждений и сомнений". Говорят, что в результате ученик сумел постигнуть истину Дзэн.

Истина Дзэн, по крайней мере частица его истины, заключается в способности трансформировать повседневную жизнь человека, жизнь монотонную и бездуховно-обыденную - в произведение искусства, полное великого внутреннего творчества.

Есть во всем этом нечто, превосходящее научное изучение реальности; нечто, что не может быть уловлено в сети понятийного аппарата науки.

Бессознательное в дзэнском понимании есть, без сомнения, нечто мистическое, непознаваемое и, в этом плане, ненаучное. Сказанное не означает, что бессознательное находится вне сферы сознания и потому нам неподвластно. Напротив, трудность заключается именно в том, что оно есть особо интимная вещь, которую наиболее трудно постигнуть, так как человеческий глаз не может взглянуть на самого себя. Для того, чтобы осознать бессознательное необходима специальная тренировка определенных структур нашего сознания.

В эволюционной перспективе сознания возникло из бессознательного. Природа пролагала свой путь бессознательно, а человек, обладающий сознанием, вышел из нее. Сознание есть скачок, но скачок не есть прерывность в физическом смысле. Для сознания характерна имманентная связь с бессознательным. В самом деле, без последнего первое не может функционировать - оно попросту потеряет основу своей деятельности. Неслучайно, Дзэн провозглашает, что Дао есть "обыденное

сознание". Под Дао Дзэн понимает бессознательное, постоянно действующее в системе нашего сознания. Следующее мондо (вопрос и ответ) поможет лучше понять дзэнское бессознательное:

Когда монах спросил учителя, что понимается под "обыденным сознанием", тот ответил: "Когда я голоден - то ем, когда я устал - то сплю".

Я уверен, вы спросите: "Если это и есть то самое, дзэнское понимание бессознательного, как чего-то мистического и ценного для трансформации сознания адепта, то понять его не составляет труда. Все подобные "бессознательные штучки" были давным-давно известны нашему инстинктивно-рефлекторному сознанию, действующему по принципу экономии сил. Мы ожидали увидеть бессознательное, связанное с гораздо более высокими функциями ума, которые, как в случае с опытным фехтовальщиком, достигаются годами напряженных тренировок. Что же касается таких рефлекторных актов как еда, питье, сон и т.д., то они присущи и низшим животным и младенцам. Дзэн, конечно же, не может рассматривать их как что-то такое, в чем человек находит сокровенный смысл".

Что ж, давайте посмотрим, есть ли принципиальная разница между "инстинктивным" и "высоко-тренированным" бессознательным.

Банкей - один из великих современных японских мастеров Дзэн, проповедовал доктрину Нерожденного. Демонстрируя свою идею, он указывал на факты нашего повседневного существования: такие как слушание пения птиц, созерцания распустившегося цветка и т.д., и говорил, что все это возможно благодаря присутствию в нас Нерожденного. Если в нас присутствует сатори, то оно должно основываться лишь на подобном опыте и ни на каком другом.

Казалось бы, это заставляет нас идентифицировать сферу обыденного чувственного опыта с высоко-метафизическим Нерожденным. В одном смысле такая

идентификация верна, но в другом смысле ошибка несомненна. Для Банкея Нерожденное есть путь всех вещей, включающий в себя не только область нашего повседнежного опыта, но и всю реальность прошлого, настоящего и будущего. С другой стороны, наше "повседневное сознание", или наш обыденный опыт, или наши инстинктивные акты не имеют никакого самостоятельного значения и ценности. Они приобретают их только, если относятся к Нерожденному или к тому, что я назвал *Космическим, Бессознательным*. Нерожденное есть исходное начало всех творческих возможностей. Получается так, что когда мы едим, то едим не мы, а Нерожденное; Если спим, то спим не мы, а Нерожденное.

До той поры, покуда бессознательное инстинктивно, оно не превосходит уровня животных и младенцев, у вполне же зрелого человека дело обстоит иначе. Последнего характеризует тренированное бессознательное, включающее весь его сознательный опыт, начиная с младенчества, и конституирующее целостность его личности. По этой причине, у фехтовальщика, как только он взял в руки меч, техническое мастерство вместе с осознанием ситуации отходит как бы на задний план, а тренированное бессознательное начинает играть ведущую роль. Меч фехтует так, будто в нем самом стучит живое сердце.

Мы могли бы сказать: бессознательное, в той мере, в какой оно относится к сфере чувственного опыта, есть результат длительного процесса эволюции жизни в космосе, и оно действует одинаково у животных и у детей. Но по мере интеллектуального развития, по мере того, как мы вырастаем, чувственная данность структурируется интеллектом, и мы утрачиваем наивную веру в адекватность нашего чувственного опыта. Когда мы теперь улыбаемся, то это не просто улыбка - здесь добавляется нечто еще. И едим мы уже не так, как в детстве. Процесс питания преоб-

разован интеллектом. И как только мы осознаем это вторжение интеллекта, - простейшие биологические потребности оскверняются эгоцентрическим интересом. В наше бессознательное словно проникает "самозванец", и оно больше не может прямо и непосредственно пронизывать сознание. Все потребности, ранее регулируемые биологическими, инстинктивными функциями, превращаются теперь в интеллектуально направляемые акты.

Подобная трансформация и есть потеря "невинности" или приобщение к "древу познания" согласно библейскому мифу. В практике Дзэн и в Буддизме это носит название "аффективного осквернения" (*klesha*) или "преобладания интеллекта в деятельности сознания", виджняна (*viññāna*).

Зрелый человек, как учит Дзэн, должен очиститься от аффективного осквернения и освободить себя от доминанты интеллекта, если, только он серьезно намерен вступить на путь спонтанности и свободы, где бы он не был подвержен разрушительному влиянию страха, возбуждения и раздражения. Когда человек обретает свободу, "натренированное" бессознательное "работает" в сфере сознания. В этом случае мы получаем "Нерожденное" Банкея или "обыденное сознание" китайского мастера Дзэн.

3

Теперь мы подготовлены к тому, чтобы выслушать совет Такуана своему ученику-фехтовальщику Ягю Тадзима-но-ками. Он касается главным образом того, чтобы сознание постоянно пребывало в состоянии "течения", ибо фиксация его на чем-либо одном означает прерыв непрерывного потока, что особенно неблагоприятно отражается на здоровой целостности сознания. В случае с фехтовальщиком такая фокуси-

ровка несет ему смерть. Налет аффективности замутняет зеркало первоначальной праджни (*prajña*) человека, интеллектуальная взвешенность противостоит здесь природной активности. *Праджня*, которую Такуан называет "неподвижная", есть направляющая сила всех наших движений, внутренних и внешних, и когда она вытеснена, - ум замутняется, а мы, утратив природную, свободную и спонтанную активность "неподвижной праджни", соотносимой с нашим бессознательным, начинаем сознательно подчиняться голому техническому навыку. Таким образом, *праджня* есть неподвижный двигатель, который бессознательно действует в сфере нашего сознания.

Когда фехтовальщик стоит лицом к своему противнику, то не думает ни о противнике, ни о самом себе, ни о движениях меча в руках врага. Он просто стоит с мечом, который, забыв о всякой технике, должен лишь следовать велениям бессознательного. Когда сражающийся наносит удар мечом, то этот удар нанесен бессознательным. Существуют свидетельства, что иногда сам человек не осознавал факта победы над противником - все происходило совершенно бессознательно. Есть просто поразительные случаи.

Позвольте мне привести один пример - "Великолепную Семерку".*

В фильме (недавно показанном и в Америке) безработные самураи получают возможность продемонстрировать мощь своего оружия. События в фильме вымышлены, но все они основаны на исторических фактах. Руководитель группы изобретает метод проверки каждого фехтовальщика. Он сажает перед входом молодого крестьянина, мимо которого неизбежно должен пройти каждый входящий. Как только саму-

* Речь идет не об американской версии, а о предшествовавшей ей японской кинокартине, известной советскому зрителю под названием "Семь самураев" - Прим.пер.

рай войдет в помещение, молодой человек должен неожиданно стукнуть его палкой по голове и посмотреть, как отреагирует вошедший.

Первый из вошедших получил полновесный удар палкой. Он не сумел выдержать экзамена. Второй самурай, получив удар, смог "ответить" молодому человеку. Однако и он не продемонстрировал необходимых качеств. Третий же испытуемый остановился перед входом и предупредил поджидающего за дверью, чтобы тот поостерегся нападать на вооруженного воина. Этот третий почувствовал присутствие врага еще до того, как переступил порог и подвергся реальному нападению. Такие способности самураи мог приобрести лишь пройдя через долгие испытания того сурового времени. Он доказал, что является отличным кандидатом для сложнейшей борьбы, предстоящей в далекой горной деревне.

Подобное чувство незримого присутствия врага было до предела развито у самураев во времена феодальных междоусобиц, требовавших от воина максимального профессионализма. Даже во сне он был постоянно начеку.

Я не знаю, можно ли назвать это чувство шестым чувством или некоей разновидностью телепатии. Отмечу лишь, что философы фехтования приписывали его бессознательному, пробуждающемуся тогда, когда фехтовальщик достигает состояния самоотсутствия или не-сознания. Философы говорят, что когда человек натренирован до такой высокой степени - он преодолевает обыденное, релятивное сознание, переставая осознавать свою включенность в схватку. В такие моменты сознание тренированного фехтовальщика уподобляется зеркалу, отражающему каждую мысль противника и содержащему точное указание, как победить его. (Точнее, даже не указание, а интуицию, коренящуюся в бессознательном). Меч мастера движется механически, сам по себе, и противник не в силах за-

щищаться, поскольку меч каждый раз бьет по его уязвимым местам. Бессознательное фехтовальщика есть реализация его самоотсутствия, которое, будучи в согласии с "Разумом Земли и Небес", способно сокрушить все, противостоящее этому Разуму. Состязание или битва опытных фехтовальщиков проводится не на силу или умение, а на то, чье сознание более чисто и лишено Я.

Принимаем мы подобную интерпретацию или нет - другой вопрос, но факт остается фактом: мастер фехтования обладает тем, что можно обозначить как бессознательное. Такое состояние сознания обретается, когда он более не сознает свои действия и передоверяет все чему-то, лежащему за пределами его релятивного сознания. Мы называем это чем-то или кем-то, поскольку оно существует вне обычного поля нашего сознания и у нас нет подходящих слов для его обозначения, помимо негативных: Икс или бессознательное. Непознаваемое или Икс тоже весьма неопределенно, и когда оно входит в соприкосновение с сознанием таким образом, что проявляет себя через технические навыки, приобретенные сознательно, то мы вполне можем его обозначить как бессознательное.

4

Какова природа бессознательного? Является ли оно уделом чисто психологических исследований в самом широком смысле этого термина? Соотносимо ли оно каким-то образом с источником всех вещей, таким как "Разум Земли и Небес", или же с чем-то еще, разрабатываемом в онтологиях мыслителей Востока? Или же мы должны назвать его "великим зеркальным знанием", адаршанаджняна (*adarśanañjāna*), как его иногда величают учителя Дзэн?

Следующий эпизод, рассказанный Ягю Тадзима-

но-ками, учеником мастера Дзэн Такуана, возможно и не относится напрямую к проблемам бессознательного, рассмотренных на предыдущих страницах. Однако он косвенно касается предмета нашего разговора и может быть полезен психологу в поисках сути той способности, которая нередко именуется парапсихической и которую можно развить, проходя через определенные ступени ученичества. Могу также добавить, что случай с Ягю Тадзима-но-ками не был, естественно, проверен средствами науки. Однако в истории и современной практике японского фехтования засвидетельствовано немало случаев, заставляющих поверить в "телепатическую" интуицию. Правда, я вынужден вновь повторить, что эта разновидность психологических феноменов весьма опосредованно связана с бессознательным, о котором я веду речь.

Однажды весенним днем Ягю Тадзима-но-ками наслаждался видом цветущих вишен. Он был глубоко погружен в созерцание. Внезапно он почувствовал *сакки*,* угрожающее ему сзади. Ягю обернулся, но позади был лишь юноша, который обыкновенно сопровождал его, неся меч. Ягю никак не мог понять, откуда исходит *сакки*. Этот факт глубоко озадачил его, поскольку

* *Sakki* литературно переводится как "дух убийцы". Фехтовальщик нередко сталкивается с подобной ситуацией. Этот "дух" есть не передаваемое, а постигаемое лишь внутренним чувством нечто, проистекающее от человека или объекта. Люди часто говорят, что одни мечи наполнены "духом убийства", в то время как другие вызывают чувства благоговения, почтения и даже благожелательности. Обыкновенно это приписывается характеру или темпераменту владельца оружия, поскольку произведения искусства отражают дух художников, а в Японии меч - не орудие убийства, а прежде всего произведение искусства. *Сакки* также всегда исходит от человека, который вынашивает идею убийства. Этот "дух", говорят, витает над подразделением солдат, атакующих противника.

в результате долгих тренировок он сумел развить что-то вроде шестого чувства, распознающего присутствие *сакки*.

Вскоре он возвратился домой, пытаясь разрешить захватившую его целиком проблему. Дело в том, что до сей поры он никогда не ошибался, точно определяя природу *сакки*, откуда бы оно ни исходило. Волнение его было столь велико, что прислуга боялась приблизиться и узнать, в чем дело. Наконец, один из старейших слуг рискнул спросить, не болен ли господин и не нуждается ли он в какой-нибудь помощи. Мастер ответил: "Нет, я не болен. Но в саду я пережил столь странное ощущение, что оно до сих пор не дает мне покоя. Я размышляю над случившимся". И он поведал слуге о происшедшем.

Когда слух о событии распространился по дому, то юноша-оруженосец, сопровождавший мастера во время злополучной прогулки, признался: "Когда я увидел ваше высочество погруженным в созерцание цветущей вишни, во мне зародилась мысль: как бы ни был совершенен мой господин во владении мечом, он ни за что не смог бы защищаться, вздумай я нанести ему сзади удар. Очевидно, эта моя мысль была уловлена вами". Сделав такое признание, ученик выразил готовность понести наказание за свою неуместную мысль.

Признание ученика мгновенно прояснило ситуацию, которая так удручила Ягю, и он не стал наказывать своего оруженосца. Мастер был полностью удовлетворен, что его чувство и на этот раз не дало осечки.

III

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ В ДЗЭН-БУДДИЗМЕ

Подход Дзэн к реальности может быть определен как антинаучный в том смысле, что Дзэн иногда идет в прямо противоположном направлении, нежели наука. Это не означает, что Дзэн противостоит науке; скорее его следует трактовать как позицию, отвергаемую учеными как "ненаучную".

Науки строятся по единым стандартам, они экстравертивны и всегда "объективно" рассматривают изучаемые вещи. Основоположение, которое принимают науки, состоит в отделении себя от предмета исследования и ни в коем случае не отождествление себя с ним. Даже когда науки рефлектируют самих себя, то тщательно проецируют вовне свои внутренние характеристики, как будто последние есть нечто, от них отличное и чуждое их природе. Больше всего они боятся быть "субъективными". Но следует ясно осознавать, что до той поры, пока мы занимаем позицию стороннего наблюдателя, мы и остаемся "аутсайдерами", и что, в силу этого, мы никогда не сможем познать вещь саму по себе. Все нам известное будет лишь *внешним знанием*. Тем самым, мы никогда не постигнем наше подлинное Я. Ученым, следовательно, нечего надеяться когда-нибудь проникнуть в глубины личности, сколь бы сильно они того ни желали. Они, без сомнения, могут много рассуждать о личности, но это

и все, что они могут. Дзэн предлагает избрать направление, противоположное науке, если только мы хотим поближе познакомиться с Я. Говорят, что наилучший путь изучения человечества - изучение человека, но в данном случае человек должен рассматриваться как Я, поскольку только человечество, а не животный мир, обладает самосознанием. Мужчины и женщины, которые не занимаются самопознанием, осуждены пройти через следующий цикл смертей и рождений. "Познать себя" значит познать свое Я.

Научное познание Я до той поры не будет подлинным знанием, покуда оно объективирует Я. Следует изменить само направление научного типа исследований: познавать Я необходимо изнутри, а не извне. Личность должна познать самое себя, не покидая собственных пределов. Кто-то, быть может, спросит: "Как же это возможно? Познание всегда подразумевает дихотомию субъект - объект". Ответу: "Самопознание возможно только при идентификации субъекта и объекта. Это произойдет тогда, когда наука, исчерпав себя, отложит в сторону хитроумные технические приспособления для экспериментов и честно признается, что не сможет продолжать свои исследования до той поры, покуда не совершит чудодейственного прыжка в царство абсолютной субъективности.

Царство абсолютной субъективности и есть место пребывания Я. Термин "пребывать", правда, не очень точен, поскольку предполагает статический взгляд на Я. Но Я есть вечное движение и становление. Оно есть нуль в статическом состоянии и бесконечность в процессе движения. Я - динамично. Его можно уподобить сфере, не имеющей периферии. Я в этом случае есть пустота (*śūnyatā*). Но оно также и центр данной сферы, который может быть найден в любой ее точке. Я есть точка абсолютной субъективности, которая может выражать чувства неподвижности и спокойствия. Но поскольку эта точка может быть помещена везде,

где мы захотим, - в бесконечно разнообразные места, - она, в сущности, и не является точкой. Точка есть окружность, и окружность является точкой. Этот, казалось бы, невозможный парадокс становится возможен, когда мы покидаем направление движения науки и обращаемся к Дзэн. Дзэн, по существу, оказывается творцом этого парадокса.

Таким образом, поскольку Я проходит все градации от нуля до бесконечности, и наоборот, в этом движении попросту нет места для объекта науки. Как абсолютная субъективность, Я разрушает все наши попытки объективно его сфокусировать. Я - неуловимо, несхватываемо, и мы бессильны экспериментировать над ним научным образом. Мы не можем проникнуть в него при помощи любого объективно сконструированного средства. Никакой научный гений здесь не властен, ибо такова природа вещей, не позволяющая практиковать эти методы. Правильно отрегулированное Я знает, как открыть себя, не прибегая к процессу объективации.

Выше я уже обращался к труду де Ружмона "Поиск западного человека", где он выделяет "личность" и "машину" как две основные черты западного существования. Следуя автору, термин "личность" впервые появился в Риме. Когда Христианство поставило проблему Троицы, схоласты стали использовать его в теологическом контексте, подразумевая под ним "божественную личность" и "человеческую личность", которые гармонируются в образе Христа. Когда мы сегодня используем этот термин, то приписываем ему морально-психологический аспект со всеми вытекающими отсюда историческими следствиями. Проблема личности в конце концов сводима к проблеме Я.

Личность, с точки зрения де Ружмона, дуалистична по своей природе и внутри нее всегда присутствует конфликт. Этот конфликт, или напряжение, или противоречие составляют сущность личности, и

отсюда с необходимостью следует, что чувства страха и неуверенности постоянно сопровождают ее существование. В принципе, мы могли бы сказать, что именно данные аффекты заставляют личность совершать дисгармоничные - жестокие и безрассудные - деяния. Чувства образуют исток человеческих действий, но не диалектических затруднений. Психическое первично, и лишь затем появляются логика и анализ, но не наоборот.

По де Ружмону, для западного человека невозможно преодолеть дуализм, коренящийся в самой его природе, покуда он привязан к историко-теологической традиции Бого-человека или человека-Бога. Именно вследствие этого дуалистического конфликта в бессознательном и вытекающего отсюда ощущения тяжести бытия, западные люди оказываются погруженными в стихии пространства и времени. Они в основном экстраверты, а не интроверты. Вместо созерцания своей внутренней природы и обуздания ее, они пытаются разрешать дуалистические конфликты внешним образом, преимущественно в плане интеллекта. Что касается личности, то я позволю себе привести цитату из де Ружмона:

"Личность есть вопрос и ответ, она есть деяние, но ни в коем случае не факт и не объект. Полный анализ фактов и объектов никогда не принесет точных доказательств ее бытия.

Личность никогда не присутствует здесь или там. Она - в действии, в напряжении, в непрекращающемся движении, и гораздо реже пребывает она в состоянии счастливой гармонии. Никто не выразил этого чувства лучше, чем Бах".

Звучит красиво. Личность, действительно, есть то, что ей приписал де Ружмон, и это совпадает с буддийской характеристикой атмана (*ātman*) как того "что движется к распаду", вишанкара (*visankara*). Но

вот какой вопрос могли бы задать махаянисты автору подобных суждений:

"Кто есть *ты*, высказывающий все эти прекрасные вещи с научно-объективной точки зрения? Мы хотели бы спросить *тебя* персонально, конкретно или экзистенциально. Когда *ты* говоришь: "Пока я живу, я живу в противоречии, - что это за Я?" Когда ты говоришь нам, что фундаментальные антимонии личности должны преодолеваться верой, то *кто* должен верить? Кем является *тот*, кто переживает акт веры? В основании веры, опыта, конфликта и концептуализации должен стоять *живой человек*, переживающий все это".

Здесь приводится история о дзэнском монахе, который выставил палец перед носом собеседника и дал тому возможность понять, на что палец действительно похож. Позднее этот монах прославился под именем Обаку Ки-уна (ум. в 850 г.) - одного из величайших дзэнских мастеров эпохи Тан.

Однажды правитель одной из областей посетил монастырь, подлежащий его юрисдикции. Настоятель взялся его проводить по территории монастыря. Когда они вошли в комнату, где висели портреты наиболее преуспевших настоятелей, правитель указал на один из них и спросил: "Кто это?" Настоятель ответил: "Прежний настоятель". Следующий вопрос правителя звучал так: "Портрет есть, а где же сам человек?" Настоятель не нашелся, что ответить. Это было свыше его сил. Правитель, однако, настаивал на ответе. Настоятель выглядел подавленным, поскольку и среди его последователей не было никого, чей ответ мог бы удовлетворить дотошного чиновника. Наконец, он вспомнил о странном монахе, который недавно нашел приют в монастыре и который большую часть своего времени проводил, поддерживая порядок на монастырском дворе. Настоятель решил, что этот чудак, похожий на последователя Дзэн, возможно сумеет от-

ветить на вопрос чиновника. Когда монах пришел, чиновник обратился к нему со следующими словами:

"Уважаемый Господин, окружающие люди, к сожалению, не в состоянии ответить на мой вопрос. Не будете ли вы так любезны попробовать найти ответ?"

Монах ответил: "В чем заключается ваш вопрос?"

Правитель повторил: "Здесь висит портрет прежнего настоятеля, но где же он сам?"

Монах мгновенно вскричал: "О, Правитель!"

Чиновник ответил: "Я, Уважаемый Господин".

"Но где же ты?" - таково было решение монаха.

Ученые, включая теологов и философов, стремятся быть объективными и избежать любых форм субъективности. Они глубоко убеждены, что суждение истинно, только когда его можно объективно оценить или проверить, а не только субъективно, личностно пережить. Они забывают, что личность неизбежно живет именно личностно-субъективной, а не концептуализированной или онаученной жизнью. Однако как бы ни старались мы дать точную, объективную, философскую дефиницию жизни, это будет определением жизни, как объекта, а не определением личностно-субъективной жизни. Именно такая жизнь и является предметом научного анализа. Объективность и субъективность - здесь вообще не проблемы. Но то, что настоящему затрагивает наши души - так это самопознание собственных жизней: где и как мы живем. Личность, познавшая себя, отнюдь не склонна теоретизировать, не пишет книг, не дает другим навязчивых советов; она всегда живет своей уникальной, свободной и творческой жизнью. Здесь Я знает себя изнутри, по никогда не со стороны.

Как видно из истории об Обаку и правителе, мы обычно удовлетворяемся в жизни копией или подобием и, воображая умершего человека, не можем ответить на вопрос правителя: "Портрет есть, а где же

сам человек?" Попробуем перевести сюжет этой истории на наш современный язык. Существование поддерживается постоянным вторжением относительных решений и путем выгодных компромиссов. Идея рождения и смерти есть относительное решение, а написание портретов представляет собой разновидность сентиментально-спасительного компромисса. Но для полноценного присутствия реального человека - всего этого явно недостаточно. Отсюда и вопрос правителя: "Где же человек?" Обаку, как истинный адепт Дзэн, не терял времени даром и сумел криком вырвать правителя из объятий иллюзорного концептуального мира: "О, Правитель!" Ответ также последовал мгновенно: "Я, Уважаемый Господин". Мы видим, как личность силится вырваться здесь из темницы анализа, абстракций и концептуализаций. Когда мы осознаем это, то овладеваем подлинным знанием, что есть личность, где она существует и чем является Я. Если личность идентифицирована всего лишь со сферой действия, то она и не живет, а лишь интеллектуализирует; она не есть ни мое, ни ваше Я.

Дзёсю Дзюсин (778-897) был однажды спрошен монахом: "Что представляет собой мое Я?" Дзёсю ответил: "Закончил ли ты есть утреннюю кашу?" "Да, я закончил". Тогда Дзёсю сказал: "Если так, мой свою чашку". Еда есть процесс, мытье чашки есть процесс, но Дзэн интересуется не ими, а самим деятелем. Именно едок и мойщик совершают акты еды и мытья, и покуда деятель не захвачен ими целиком, нельзя и говорить о действии. Кем является тот, кто сознает действие, и кем является тот, кто сообщает вам об акте самосознания? Кем являетесь вы, сообщающий о факте не только самому себе, но и другим? "Я", "ты", "она", "это" - все данные местоимения служат для выражения нечего, стоящего за ними. Что же представляет собой указанное нечего?

Другой монах спросил Дзёсю: "Что есть мое Я?"

Дзёсю ответил: "Видишь ли ты цитрусовое дерево во дворе?" Не на созерцание, а на созерцателя указал здесь мастер Дзэн. Если Личность есть ось духовной спирали, никогда не объективируемая и не фактуализируемая, то она вечно пребывает, а Дзэн призывает нас поймать ее голыми руками и гордо предъявить мастеру это самое необъективируемое и недостижимое нечто (*fukatoku*, яп.; *pu-ko-te*, кит.; *anupalabdha*, санскр.). Как раз здесь лежат расхождения между наукой и Дзэном. Правда, мы должны помнить, что Дзэн не отрицает научный подход к реальности, а лишь желает сказать ученым, что их взгляд не является единственным. Есть и другой подход, более прямой, реалистичный и интимно-личностный, который ученые могут называть субъективистским, но который таковым по тайной сути вовсе не является.

Личность, индивид, Я, Эго - все эти термины я использую здесь как синонимы. Личность моральна и воляща, индивид контрастирует с группой, Эго - психологично, но Я в равной мере морально и психологично, обладает и социальной, и религиозной составляющими. Внутренняя наполненность чувством автономии, свободы, самодетерминации и длежащего творчества - вот конститутивные психологические принципы Личности с точки зрения Дзэн.

Хокедзи спросил Басё До-ити (ум. в 788 г.): "Кто тот человек, который одиноко стоит в окружении десяти тысяч вещей (*дхарма*)?" Басё промолвил: "Я отвечаю тебе, если ты выпьешь Реку Запада одним глотком". Данные слова демонстрируют глубину проникновения в то, что именуется Я или Личность. Теологи и психологи, отождествляющие с Я пучок впечатлений и восприятий или Идеи, или принцип единства, или динамическую тотальность субъективного опыта, или внеэзистенциальную ось спирали человеческой деятельности - все они движутся в направлении, прямо противоположном Дзэн. Чем быстрее они бегут,

тем дальше они от него. Недаром я отмечал, что наука и логика объективны и центробежны, в то время как Дзэн субъективен и центростремителен.

Кто-то заметил: "Все находящееся вне индивида говорит, что он - ничто, в то время как все, находящееся внутри него, убеждает: он есть все". Данное высказывание замечательно, поскольку точно передает чувство, возникающее у каждого из нас, когда мы тихо сидим и пристально вглядываемся в глубины нашего существования. В такие мгновения будто кто-то нашептывает нам мягким голосом о незряшности и о великой значимости нашего рождения. Где-то еще я вычитал такие слова: "Вы всегда держаете в одиночестве. Одиноко пересекаете пустыни и одиноко бродите по миру". Это не так. Стоит человеку хотя бы один раз заглянуть в глубины самого себя, как он осознает, что не одинок, не является заброшенным и опустошенным: внутри него коренится чувство царственной, восхитительной единственности, всегда пребывающей в самой себе, но, вместе с тем, и не оторванной от остального мира. Подобное миропонимание противоречиво лишь по-видимости, но оно реально и достижимо, если следовать путем, указанным Дзэн. Человек, сумевший вырваться из царства абстракций и интеллекта, начинает понимать, что новое мировидение родилось из недр его собственного, оригинального и творческого Я. Творчество отлично от голого динамизма, оно - отличительная черта пребывающего, самоопределяющегося начала, именуемого Я.

Индивидуальность также важна в утверждении Я, но она слишком политизирована, этизирована и связана с идеей ответственности. Индивидуация принадлежит царству относительности, она слишком подвержена влиянию силы самоутверждения и всегда берет поправку на других в той же мере, в какой подвержена влиянию с их стороны. Где утверждается индивидуализм, там превалируют отношения взаимной

вражды. Здесь нет свободы нет спонтанности, а есть лишь удушливая атмосфера запретов, подавленности и угнетения со стороны внешних сил. В результате возникают многочисленные психические аномалии.

Индивидуация есть термин объективистского подхода, отличающего одного человека от другого. Когда различия между людьми гипертрофированы просыпается жажда власти, нередко становящаяся бесконтрольной. Когда же последняя не столь сильна или приобрела негативный характер, то личность становится повышенно чувствительной к любым замечаниям и критике. Сознание такого типа нередко толкает нас в бездну самого черного рабства. Вспомним здесь о романе Т. Карлейля "*Сартор Резартус*".

"Философия одежд" есть философия иллюзорного мира, где каждый одет только потому, что есть другие люди, и где каждый стремится выглядеть иначе, нежели он есть на самом деле. Такие переодевания кажутся забавными, но когда они заходят слишком далеко, человек утрачивает свою оригинальность, действия его становятся нелепыми, и он, в результате, превращается в подобие обезьяны.

Когда указанный аспект Я начинает доминировать, реальное Я вытесняется и становится попросту несущественным, что и означает его подавленность. Но мы-то все знаем, что влечет за собой подобное подавление. Творческое бессознательное никогда не может быть подавлено; оно все равно утвердит себя в той или иной форме. Если оно не может утвердиться в форме адекватной - естественной, то взрывает все возникающие барьеры, подчас жестоким и даже патологическим образом. В любом случае подлинное Я оказывается безнадежно разрушенным.

Провидя возможность подобного трагического исхода, Будда провозгласил доктрину *annatta* или *nirāṭṭa*, или не-Я, чтобы пробудить нас от феноменального сна. Дзен-Буддизм не был, однако, вполне удовлетво-

рен этим несколько негативистским методом изложения теории и постарался сделать ее позитивной, доступной для буддийских последователей, чтобы они избежали ошибок в своем приближении к Реальности. Приведем пример из деятельности Ринзай Гигена (ум. в 867 г.). Однажды он высказал следующее поучение: "Существует истинный человек в массе живой плоти, который не поддается определению и который входит внутрь и выходит наружу из ваших лицевых ворот (т.е. чувственных органов). Те, кто еще не убедился (в его существовании) - смотрите, смотрите!"

Один из монахов вышел вперед и поинтересовался: "Кто же этот человек, не поддающийся определению?"

Ринзай вскочил со своего кресла и, схватив монаха за горло, приказал: "Говори, говори!"

Монах зашатался.

Тогда Ринзай отпустил его и произнес: "Что за ничтожный комок навоза!"*

"Истинный человек, не поддающийся определению" есть термин у Ринзай Гигена для обозначения человеческого Я. Все его учение строится исключительно вокруг Человека (*nin, jên*) или Личности, которые также иногда именуется "Человек-Путь" (*dōnin* или *tao-jên*). Можно утверждать, что он был первым проповедником в истории китайской мысли, настойчиво подчеркивавшим присутствие этого Человека в каждом мгновении экзистенциального бытия. Без устали вел он своих последователей к осознанию Человека или реального Я. Реальное Я является чем-то вроде метафизической оппозиции психологическому или этическому Я, принадлежащему конечному или релятивному миру. Человек трактуется Ринзай Гигеном

* В буквальном переводе "высушенная палочка навоза". *Kanshiketsu, яп.; kan-shih-chueh, кит. Kan - сухой; shi - навоз; ketsu - палочка.*

как "Не поддающийся определению" или как "независимый от" (*mi-ue, wi-i*), или как "не имеющий одежды".* Все эти термины заставляют нас думать о "метафизическом" Я.

Учитывая эти предварительные замечания, давайте подробней ознакомимся с изречениями Ринзай, касающимися Человека, Я, Личности; поскольку в них, как мне кажется, он выразил свои воззрения исчерпывающим образом. Его поучения помогут нам лучше разобраться с понятием Личности в Дзэн.

*Ринзай о Я или "О Единственном, который в данный момент, находится перед нами, целостный, сияющий, понимающий, и вслушивающийся в этот разговор о Дхарме"***.

1

[После обсуждения вопроса о троичности тела Будды (*trikaya*), Ринзай продолжил:] Все эти вещи, я уверен, есть не более, чем тени. О, Почтенные Господа! Вы должны осознать, что Человек (*jên*) играет с этими тенями, что он есть источник всех Будд и прибежище для всех, вступивших на Путь, независимо от того, где и как это произошло.

Не ваше физическое тело, не желудок, не кишечник, не почки, не пространственная пустота - не они постигают Дхарму. Но кто же он, познающий все это? Он - перед вами во всей своей мудрости, неделимости и гордом сиянии. Он понял, как следует гово-

* *Ми-уе, яп. и wi-i, кит. означает "независимый" точно также, как и "не имеющий одежды". Уе(i) в первом случае "зависимый", а во втором - "одежды".*

** *Переводы сделаны с "Изречений" Ринзай, известных как Ринзи Року (Rinzi Roku).*

рить о Дхарме и как надо вслушиваться в нее.

Как только вы сумели это увидеть, так сразу перестали отличаться от Будды и патриархов. [Постигающий все это] никогда больше не отклонится с пути. Он - во всем, что могут увидеть глаза. Только наши аффективные метания подавляют интуицию, только вследствие наших фантазий Реальность кажется делимой. Вот почему, страдая от множества болей, мы трансмигрируем в Триединный мир. Я утверждаю: нет ничего глубже Единства, и лишь благодаря ему каждый из нас может обрести спасение.

О, Последователи Пути! Сознание, лишенное формы, проникает в десять сфер: с помощью глаз, способных видеть, с помощью ушей, способных слышать, с помощью носа, способного обонять, с помощью рта, способного говорить, рук, способных ощупывать, и ног, способных идти.

2

О, Последователи Пути! Тот, кто сейчас находится перед вами - сияющий, целостный, владеющий знанием и вслушивающийся [в голос Дхармы] - этот Человек (*jên*) вездесущ, он проходит через десять пределов, он - хозяин самому себе в триедином мире. Причастный всем событиям, все понимая - он не может изменить самому себе.

Он способен в мгновение ока проникать в мир Дхармы. Когда он встречает Будду, то беседует с ним как Будда; когда он встречает патриарха, то разговаривает с ним как патриарх; когда он встречает архата, то говорит с ним как архат; когда он встречает голодного духа, то разговаривает с ним как голодный дух.

Будучи вездесущим, он способен странствовать по всем землям и учить все существа, оставаясь при этом в едином мысле-мгновении (*thought-instant*).

Где бы он ни путешествовал, он остается чистым и неопределенным; его свет проникает через десять пределов и десять тысяч различных вещей.

3

Что есть истинное понимание?

Это - вы, способные входить во все [ситуации]: обыденные и божественные, оскверненные и полные святости; это - вы, способные проникать во все буддийские миры, в башню Майтрейи и в мир Дхармы Вайрочаны. Когда вы входите туда, то оказываетесь краеугольным субъектом четырех стадий становления: рождения, существования, разрушения и смерти.

Будда, явившись в мир, привел в движение великое колесо Дхармы и перешел в нирвану [вместо того, чтобы навсегда остаться в мире, как могли бы предположить мы, простые существа]. Но нет ведь и никаких знаков его прихода-ухода. Если мы проследим его жизненный путь, то их не обнаружим.

Войдя в мир Дхармы Нерожденного, он проник через все возможные миры. Войдя в мир чрева Лотоса, он увидел, что все вещи состоят из пустоты и не имеют реальности. Единственное существо, обладающее бытием, - это Дао-Человек (*tao-jên*), который, ни от чего не завися, суть сам момент вслушивания в [мою] речь о Дхарме. И этот Человек есть родоначальник всех Будд.

Итак, Будда рожден из того, что ни от чего не зависит. Когда схвачено это нечто, то и Будда открывается как непостижимый.

Когда кто-то достигает подобного озарения, то говорят, что он обрел истинное понимание.

Желающие постигнуть учение, но незнакомые с истинным пониманием, увлекаются вербальной игрой

и, вследствие этого, оказываются заключенными в тюрьме слов. Когда ее стены отрезают прямое видение пути, люди неспособны правильно разглядеть его.

Даже двенадцать разделов буддийского учения есть не более, чем слова [но не реальность]. Ученики, не понимающие этого, обрекают себя на выискивание смысла в пустых терминах и фразах. Все они зависят от чего-либо, и тем самым вовлечены в каузальную связь. Они не в силах покинуть круговорота смертей и рождений Триедино мира.

Если вы желаете избежать рождения и смерти, прихода и ухода, если вы жаждете стать свободными, то должны познать Человека, который в этот момент вслушивается в беседу о Дхарме. Он - тот, кто не имеет ни очертаний, ни формы; ни корня, ни ствола; он тот, кто не имея постоянного местопребывания - полон энергии и деятелен.

Он откликается на все происходящее, проявляя тем самым свою активность, хотя приходит из ниоткуда. Таким образом, как только вы пытаетесь искать его - он удаляется. Чем ближе вы к нему подошли - тем дальше он очутился.

"Тайна" - вот его имя.

4

Есть Единственный, сидящий в это мгновение перед вступившими на Путь, вслушивающийся в мою речь о Дхарме. Он - тот, кто не горит в огне, не тонет в воде; это тот, кто прогуливается, будто в саду, даже вступив на три пути зла или в Нарака (*Naraka*); это тот, кто оказывается вне кармических последствий, даже войдя в царства голодных духов или животных. Почему так? Потому что нет условий, которых ему следует избегать.

Если вы любите книжную мудрость и ненавиди-

те обыденность, то будете бесконечно барахтаться в океане рождений и смертей. Греховные страсти проистекают от ума. Когда у вас нет ума - то какие греховные страсти ослепят вас? Когда вы не связаны предпочтениями и привязанностями, то обретете Путь без усилий. Когда же ваш дух в смятении - вы обречены на возвращение в царство смертей и рождений, хотя, быть может, в течение "бесчисленных калып" вы и стремились к обретению Пути. В этом случае лучше всего - вернуться обратно в монастырь и мирно сидеть, скрестив ноги, в зале для медитации.

5

О, Следующие Путем! Вы, кто в данный момент вслушивается в мою речь о Дхарме, - вы не есть четыре элемента [из которых составлено ваше тело]. Вы те, кто извлекает пользу из четырех элементов. Когда вы узрите эту [истину], то обретете свободу своего прихода-ухода.

То, что доступно моему истинному зрению - не подлежит отрицанию.

6

[Однажды учитель прочел следующую проповедь:]

Вступившим на Путь в первую очередь необходимо иметь веру в самих себя. Не ищите на поверхности, иначе вас уведут в сторону незначительные внешние обстоятельства, и вы окажетесь неспособны отличить истину от лжи. Есть Будды и есть патриархи, они могут высказываться, но это всего лишь вербальные пути, лежащие перед царством подлинной Дхармы. Если кто-то демонстрирует вам диалектиче-

ские тонкости какого-либо термина или фразы, то они заставляют вас задумываться и зарождают сомнения. Вы бежите в поисках ответов к друзьям и соседям, чувствуя себя потерянным и сбитым с толку. Люди с сильным характером не тратят время на бесплодные поиски аргументов и праздные разговоры. Они четко отличают хозяина от случайных гостей, правоту от заблуждения, здоровье от недуга.

Пока Я* стою здесь, я не провожу различий между монахами и мирянами. Кто бы ни явился передо мной - я знаю, откуда он пришел. Чтобы он ни пытался утверждать, я знаю, что его утверждения - суть слова и их комбинации, пустые буквы и фразы, и все они - не более, чем фантом или иллюзия. Я вижу только Человека, который проявляется, овладевая всеми возможными ситуациями; Он - мистическая основа всех Будд.

Будда-ситуация не может заявить сама о себе. Лишь Человек-Путь, Дао-Человек (*tao-jên* или *dōnin*), ни от чего не зависящий, проявляет ее, овладевая любой возможной ситуацией.

Если человек приходит и говорит: "Я ищущу Будду", то я обнаруживаю себя в соответствии с ситуацией божественной чистоты. Если человек приходит ко мне и спрашивает о боддhisattве, то я открываюсь в соответствии с ситуацией сострадания (*maitrī* или *karunā*). Если человек приходит ко мне и спрашивает о бодхи [или просветлении], я открываюсь в соответствии с ситуацией несравненной красоты. Если человек приходит ко мне и спрашивает о нирване, я созвучен ситуации безмятежного покоя. Ситуации бесконечно разнообразны, но Человек не меняется. Говорят, что "Он**" меняет свою форму в зависимости от

* Я в этой проповеди использую вместо термина "Человек" (*jên*) или "абсолютная субъективность" в моей терминологии.

** "Он" использовано здесь потому, что в китайском языке, обык-

ситуации, как луна изменчиво отражается в воде".

[Возможно, следует сделать пояснение. Бог, пока он остается в самом себе, с самим собой и для себя самого - есть абсолютная субъективность, *śūnyatā*, как таковая. Как только он начинает двигаться, то превращается в создателя, и возникает мир во всем бесконечном богатстве ситуаций и условий. Подлинный Бог или Божественное Первоначало не остается чем-то внешним миру в своей единичности, напротив, он присутствует во всем множестве вещей. Только человеческий интеллект заставляет нас так часто забывать о нем и помещать его вне нашего пространственно-временного, каузально-упорядоченного мира. Буддийская терминология, на первый взгляд, сильно отличается от христианской, но если мы проникнем в ее сущность, то обнаружим, что два этих течения сливаются или, вернее, проистекают из одного источника.]

7

О, Вступившие на Путь, вам крайне необходимо обрести истинное понимание, дающее возможность свободно шествовать по миру, избегая заблуждений, привносимых бесчеловечными душами [каковыми являются ложные учителя Дзэн].

Аристократ тот, кто ничем не обременен и прибывает в состоянии надеяния. Ничто внеобыденное не омрачает его повседневную жизнь.

Как только вы начинаете искать собственные части тела у соседей [как будто они не находятся всегда с вами], как тут же впадаете в заблуждение. Вы можете стараться найти Будду, но ведь он не более, чем имя. Что же это за Единственный, который таким об-

новенно, опускается субъект. "Он" означает здесь Реальность или Личность или Я.

разом блуждает в поисках [чего-либо или где-либо]?!]

Будды и патриархи всегда появлялись в десяти сферах в прошлом, настоящем и будущем, но объектом их поисков была Дхарма. Все истинные последователи Пути и сегодня ищут одну лишь Дхарму. Как только они обрели ее - их цель достигнута. Если же они не достигли ее, то, как и прежде, будут странствовать по пяти путям существования.

Что есть Дхарма? Она есть ничто иное как Сознание. Сознание бесформенно, проникает через десять сфер, и его деятельность совершается перед нашими глазами. Люди не верят в это. Они пытаются открыть истину в словах и фразах, воображая, что в них скрыта буддийская Дхарма. Как далеки они от цели! Как небо от земли.

О, Вступивший на Путь! Чему, вы думаете, посвящены мои проповеди? Они посвящены Сознанию, которое присуще и простым людям, и мудрецам; и оскверненным и незапятнанным; и мирянам и монахам.

Дело в том, что Вы* ни мудры, ни заурядны, ни монахи, ни миряне. И вы - те, кто дает имена оскверненным и девственным, обыкновенным и мудрым. Но ни оскверненный, ни чистый, ни мудрец, ни заурядный человек не способен дать имя Человеку (*jēn*).

О, Вступившие на Путь! От Вас самих зависит обладание [истиной] и свободное использование ее. Не стремитесь раздавать имена. Истина несказуема.

* "Вы" здесь, как и везде, используется в значении "Сознания", которое обнаруживает себя в "Человеке". "Вы" и "Человек" здесь взаимозаменяемы.

Человек сильной воли не позволяет сбить себя с толку. Он - хозяин самого себя, где бы ни находился. Пока он тверд - все у него складывается успешно.

Но допусти только мысль о неудачах, и злые духи тут же овладеют твоим сознанием. Стоит боддхисаттве впасть в уныние, как дьявол рождения и смерти сразу поднимает голову. Только воздержание от дурных мыслей предотвратит приход несчастий извне.

Когда появляются какие-то препятствия, добейтесь их устранения. Вы должны верить в Единственного, действующего в данный конкретный момент. Он не отождествляет себя с какой-то данной определенной формой.

Как только одна дурная мысль родилась в вашем сознании, так возникает триединый мир со всеми своими условными ограничениями, распределенными по шести чувственным полям. А если же вы продолжаете, как и прежде, действовать в соответствии с условиями, то чего же вы хотите?

В одно мгновение мысли вы падаете в скверну или взмываете в небесную чистоту; в Башню Майтрейи и в Землю Трех Глаз. Доколе вы движетесь так, доколе вы не увидите ничего, кроме пустых имен.

О, Вступившие на Путь, воистину трудно быть верным самому себе. Дхарма Будды темна и бездонна, но, будучи понята, как она легка! Я провел целый день, рассказывая людям о Дхарме, но слушатели, казалось, и не собирались обращать внимание на мой рассказ. Много тысяч раз они топтали Дхарму ногами. И до сих пор пребывают в полнейшем невежестве.

[Дхарма] не имеет формы, и тем не менее ясно обнаруживает себя в своем единстве. Люди, ущербные в вере, стремятся постигнуть Дхарму посредством

имен и слов. Полжизни растрачивают они впустую, нося безжизненные трупы от одних дверей к другим. Они блуждают по всей стране, бессмысленно переключаясь с одного плеча на другое громадный сундук [наполненный пустыми словами полоумных пророков]. Ямараджа (*Yamarāja*) - Владыка Подземного Мира - однажды спросит с них за все впустую стоптанные сандалии.

О, Почтенные Господа, когда я говорю, что Дхарму не найти на поверхности, слушатели не могут понять меня. Чтобы понять истинное значение Дхармы, им следует обратить взор внутрь себя. Они сидят неподвижно в позе лотоса напротив стены, прижав язык к верхнему небу. Они думают: в этом и состоит буддийская традиция, хранимая патриархами. Но здесь кроется великая ошибка. Когда вы входите в состояние неподвижной чистоты, единственное, что от вас требуется - это осознание [мрака] Невежества* для обретения власти**.

Древний мудрец изрек: "Черная пропасть безмятежности - это, на самом деле, то, чего следует отшатнуться". Эти слова повторяют мою мысль. Если, с другой стороны, вы воспринимаете процесс движения как нечто значимое, то тогда растительный мир знает, что такое движение. Но это не может быть названо Дао. Движение - атрибут ветра, в то время как покой - атрибут земли. И покой, и движение не имеют самостоятельной природы.

Если вы попытаетесь схватить [Личность] в про-

* *Авидья (avidyā, санскр.)*

** *Неподвижность, чистота, безмятежность или спокойствие - это все относится к состоянию сознания, где волны мыслей затухают. Это состояние называется также черной пропастью Невежества или Бессознательного. Адепты Дзен говорят о необходимости избегать ее всеми средствами и не воображать, что она есть конечная цель психотехнической практики.*

цессе ее движения, то она будет пребывать в неподвижности; если вы попытаетесь схватить ее, пока она пребывает в неподвижности, то она продолжит движение. Личность подобна рыбе, легко плывущей в глубине, незвирая на волнение поверхности. О, Почтенные Господа, покой и движение есть два аспекта [Личности], когда она рассматривается объективно и когда она есть не более, чем Человек-Путь (*tao-jên*), ни от чего не зависящий. Именно он умело использует [два аспекта реальности], иногда двигаясь, а иногда пребывая в покое...

[Большинство учеников попадает в эту диалектическую сеть.] Но если отыщется человек, чей взор проникает глубже обыденных ходов мысли* и если он придет ко мне - Я буду действовать *во всем своим существом***.

О, Почтенные Господа, здесь воистину пролегает черта, где ученики должны напрячь всю мощь своего сердца, потому что здесь нет ни грамма воздуха для дыхания. Ситуация подобна вспышке света или искре кремня, ударяемого о кресало. Моргнешь один раз - и ничего не увидишь. Если глаза учеников бессмысленно уставились на объект - он все равно ускользнет от них. Ум, направленный на предмет, неизбежно его

* Обыкновенно упоминаются три разряда людей - верхние, средние и низшие - в зависимости от своих заслуг и врожденных способностей усваивать буддийские истины.

** Китайский термин для Я и его модификаций - *shan-sêng* (*shan-zô*, яп.), означающий "верховный монах", к которым Ринзай относит себя самого. Этот титул следует относить к Ринзай не как единичному, ограниченному существу этого мира, но к Ринзай как просветленному человеку, который живет в трансцендентном царстве абсолютной субъективности и пустоты. Человек в этом царстве не ведет себя как индивидуализированное, психологическое существо, а действует как некое целостное существование или Личность. Это станет яснее из нижеследующего.

потеряет. Понимающий осознает, что Это* непосредственно находится перед ним.

О, Почтенные Господа! Таская чашу и тело, наполненное нечистотами**, вы бежите от двери к двери, стремясь отыскать где-нибудь Будду и Дхарму. Но тот, кто сейчас блуждает вокруг в бесплодных поисках - знаете ли вы, кто это такой? Он - воплощение движения без дороги и без опор. Вы можете постараться поймать его, но он сам откажется быть пойманным; вы можете попытаться вразумить его, но он сам не захочет рассеять мрак. Чем настойчивее вы будете опекать его, тем дальше он окажется от вас. Тот, кто не имеет веры - бесплодно тратит свою драгоценную жизнь.

О, Вступившие на Путь, это [он], кто в мгновение мысли перенесся в мир Основания Лотоса, в Царство Вайрочаны, в Землю Освобождения, в Землю Сверхъестественных Сил, в Землю Чистоты, в Мир Дхармы.

Это он, кто ступил в загрязненное так же, как в незамутненное; в заурядное так же, как в мудрое. Это он, кто проник в царства животных и голодных духов. Куда бы он ни вошел - мы не обнаружим следов его рождения-смерти, хотя можем бесконечно пытаться локализовать их. То, что мы получили - не более, чем пустые имена, подобные миражам в воздухе. Они не заслуживают того, чтобы мы силились удержать

* Термин "Это" использован переводчиком и относится к Дхарме или Реальности, или Личности, или Человеку, или Дао (Пути). (Прим. пер. на англ.).

** Чаша - неперенный атрибут странствующего монаха. Тело, полное нечистот - презрительная кличка монаха, чьи глаза еще не открылись для Дхармы и чей ум полон пустых имен и ложных мыслей. Последние сравниваются с экскрементами, которые не должны находиться в теле.

их. Приобретения и потери, "да" и "нет" - все дихотомии должны быть отброшены...

Что касается меня, верховного монаха, то я владею собой и в утверждении и в отрицании; я нахожусь в согласии с истинным [пониманием]. Играючи я сверхчужденно проникаю во все ситуации и действую так, будто я вовсе ни к чему не причастен. Какие бы трансформации ни происходили с моим окружением, оно неспособно воздействовать на меня. Если кто-то приходит ко мне, желая что-то получить, я открываюсь ему. Но он не в силах разгадать меня. Далее я облачаюсь в различные одежды, и ученики, увлеченные моими словами, начинают усердно делиться своими размышлениями. Все они лишены дара распознавать. Они обращаются к одеждам, которые я ношу, и вычленяют в них различные цвета: голубой, желтый, белый или красный. Когда я снимаю одежды и принимаю форму пустоты, ученики застигнуты врасплох и чувствуют себя совершенно потерянными. В ужасе окружив меня, они говорят, что на мне совсем нет одежды. Тогда я оборачиваюсь к ним со словами: "теперь вы узнали Человека, который носит всевозможные виды одежд?" В этот момент они, наконец, меняют установку своего сознания и узнают!

О, Почтенные Господа, остерегайтесь принимать одежды [за реальность]. Одежды не имеют причины существования в самих себе; это Человек надевает различные одежды; одежды чистоты, одежды нерождения, одежды просветления [боддхи], одежды нирваны, одежды патриархов, одежды мудрости Будды. О, Почтенные Господа, то, с чем мы имеем здесь дело - всего лишь звуки, слова, и они не лучше одежд, которые мы меняем. Движение начинается с брюшной полости, а дыхание, проходя через зубы, рождает различные звуки. Когда они артикулированы - рождается языковой смысл. Таким образом, мы отчетливо осознаем, что слова и звуки несубстанциональны.

О, Почтенные Господа, посредством внешних букв и звуков, а на внутреннем уровне - посредством изменения состояний сознания, мы мыслим, чувствуем, и все это - всего лишь одежды, которые мы носим. Не совершайте ошибки, принимая одежды за саму реальность. Иначе даже по прошествии бесчисленных кальп, вы останетесь знатоком одежд и не более. Блуждая по триединому миру, вы будете осуждены вечно вращать колесо смертей и рождений. Ничто - очень похоже на жизнь в недеянии. Древние мудрецы утверждали:

Я встретил [его], но не узнал [его],

Я беседовал [с ним], но не знаю [его] имени.

Ученики не смогли [познать реальность] как раз потому, что их понимание не продвинулось дальше имен и слов. Лучшее, что они сумели бы сделать - это записать в свои драгоценные тетради слова дряхлых полоумных старцев, и, свернув исписанные листочки втрое, нет, лучше впятеро, засунуть их поглубже в свои котомки. Так они хотя бы удержат других от бесплодного любопытства. Думая, что речи учителей несут в себе глубокие истины Дхармы, они хранят их как самое дорогое сокровище. Какая грубая ошибка! Какую влагу рассчитывают они выжать из старых высушенных костей? Слишком много людей, не ведающих, что есть зло и что есть добро. Ознакомившись с разнообразными писаниями, после многочисленных метаний мысли и подсчетов, они, в конце концов, подбирают высказывания, используя их затем в своекорыстных целях. Словно человек, проглотивший комок нечистот, отрыгивают они его и передают следующему. Сплетники, шепчущие слухи от одних к другим - обречены бесцельно влачить свои жизни.

Подчас они говорят: "Мы - скромные монахи", но когда их спрашивают, о чем учит Будда, они

умолкают и не знают, что сказать. Их глаза словно смотрят в темноту, а их закрытые рты напоминают прогнувшуюся жердь*. Даже когда в наш мир явится Майтрейя, такие люди попадут в ад, и страдания их будут неисчислимы.

О, Почтенные Господа, что вы без конца ищите, озабоченно переходя с места на место? Только стираете подошвы своих сандалий. Нет Будд, которых можно постичь путем [ваших не туда направленных усилий]. Нет Дао [или боддхи], которого можно достичь [вашим порочным усердием]. Нет Дхармы, которой можно овладеть [вашим ленивым ощупыванием]. До той поры, пока вы ищите Будду внешним образом, [ориентируясь, к примеру, на тридцать два признака его телесного совершенства], вам не удастся понять, что он не имеет никакого сходства с вами. Если же вы хотите узнать, что на самом деле представляет собой ваш ум - Я поведаю вам, что он есть ни целостность, ни отсутствие ее. О, Почтенные Господа, истинный Будда не имеет образа; истинное Дао [или боддхи] не имеет субстанции, истинная Дхарма не имеет формы. Все эти три начала образуют единство [Реальности]. Умы, по-прежнему неспособные понять это, принадлежат сфере карма-сознания.

* Деревянная или иногда бамбуковая жердь около 6 футов длиной использовалась для переноса вещей на плечах. Когда ноша была слишком тяжела - жердь прогибалась. Ринзай саркастически сравнивает закрытый рот монаха с изогнувшейся жердью.

IV

КОАН

1

Коан представляет собой проблему, которую мастер предлагает для решения своему ученику. "Проблема", правда, не очень хороший термин, и я предпочитаю оригинальное японское слово *ko-an* (*kung-an*, кит). *Kō* означает "общественный", а *an* - "документ". Но "общественный документ" не имеет с Дзэн ничего общего. Дзэнский "документ" есть некая уникальность, которую каждый из индивидуумов самостоятельно привносит в мир в момент своего рождения и силится расшифровать перед тем, как уйти.

Следуя махаянистской легенде, Будда выйдя на свет из тела матери, произнес следующую фразу: "Слушайте все, под Землей и на небесах, я один - единственная драгоценность". Это был "документ" Будды, посланный нам для прочтения; и сумевшие прочитать его являются последователями Дзэн. В документе этом, между прочим, нет никаких секретов, он доступен любому из нас; и тот, у кого есть глаза, без труда уяснит высказывание Будды. Если же оно и содержит какое-то скрытое значение, то таится оно в нас самих, а отнюдь не в "документе".

Коан живет внутри нас, и задача учителя Дзэн состоит лишь в обнаружении его для нас же самих в более отчетливой форме. Будучи переведенным из

сферы бессознательного в поле сознания, коан становится для нас понятен. Чтобы пробуждение состоялось, коан иногда принимает диалектическое обличье, но нередко представляется и совершенно бессмысленным, особенно при первом ознакомлении.

Вот пример диалектической ситуации:

Учитель обыкновенно носит посох или палку, чтобы ходить по горным тропам. Но сегодня она превращается в символ власти в руках учителя, который прибегает к ее помощи для демонстрации своих рассуждений. Показав посох аудитории, он вопрошает: "Это не посох. Как бы вы его назвали?" Иногда он может высказать следующее суждение: "Если вы говорите, что это посох - вы утверждаете; если вы не называете это посохом - вы отрицаете. Вне отрицания и утверждения - как бы вы это назвали?" На самом деле, подобный коан - больше, чем просто диалектический трюк. Вот вариант ответа: однажды, после того как был задан вопрос, один из монахов, выйдя из толпы, подошел к учителю и, взяв посох, переломил его пополам и бросил на землю.

Другой учитель, показав свой посох, высказал следующее загадочное утверждение: "Когда у вас есть посох, я дам вам еще один; когда у вас нет ни одного - я заберу его у вас".

Иногда учитель задает вполне правомерный вопрос: "Откуда ты пришел?" или "Куда ты направляешься?" Но он может внезапно переменить тему и сказать: "Как мои руки напоминают руки Будды! Как мои ноги похожи на копыта осла!"

Можно спросить: "Что с того, что мои руки действительно похожи на руки Будды? Что касается моих ног, которые похожи на копыта осла - то это звучит абсурдно. Какое это имеет отношение к краеугольным вопросам, которыми мы здесь занимаемся?" Вопросы и дилеммы, поставленные учи-

телем, могут быть расценены как "бессмысленные", если вам так угодно назвать их.

Но я позволю себе привести еще пару подобных нелепиц, принадлежащих другим учителям. Когда ученик спросил: "Кем является тот, кто одиноко стоит, без товарища, в окружении десяти тысяч вещей?" Учитель ответил: "Когда ты одним глотком выпьешь реку Запада - я скажу тебе". "Невозможно" - будет наш немедленный ответ. Но история свидетельствует, что ответ учителя озарил светом темницу сознания ученика.

Тот же учитель ударил в грудь своего ученика, имевшего неосторожность спросить: "В чем смысл прихода Боддхидхармы в Китай с Запада?", что равнозначно вопросу: "В чем истинный смысл Дхармы?" Но когда монах поднялся с земли и оправился от удара, то искренне рассмеялся и провозгласил: "Как странно, что все возможные формы *самадхи*, существующие в мире, располагаются на кончике волоса, а я овладел ее тайным значением внизу, у самых корней!" Казалось бы, какая связь может существовать между ударом учителя и этим просветленным восклицанием ученика? Этого нельзя схватить на уровне интеллекта. Бессмыслица проистекает лишь из нашей привычки к концептуализации, когда мы утрачиваем способность взглянуть в лицо подлинной реальности, данной во всей ее непосредственности. Поэтому то, что кажется бессмысленным, полно, на самом деле, великого значения, дающего нам возможность проникнуть за непроницаемую завесу релятивности, скрывающей истину.

Подобные "вопросы и ответы" (известные в Японии как *mondō*) и высказывания учителей, называемые сегодня коанами, не имели этих названий в те

дни, когда на самом деле использовались. Просто это был способ, с помощью которого желающие обрести истину, добивались откровения, а учителя Дзэн отвечали на вопросы своих монахов. Систематическое обучение Дзэн начинается лишь в XII столетии, с учителей эпохи Сун. Один из отобранных ими коанов, известен как "Му!" Дзёсю, предлагавшийся этим мастером в качестве объекта для медитации ученикам.

Дзёсю Дзюсин (778-897), *Choo-chou Ts'unq-shên*, кит. был одним из величайших мастеров Дзэн во времена династии Тан.

Однажды монах спросил его: "Имеет ли собака природу Будды?" Учитель ответил: "Му!". "Му" (*wu*) синонимично "нет". Но когда слово используется как коан, значение не играет роли, это просто: "Му". Ученику было велено сконцентрировать свое сознание на бессмысленном звуке "Му!", безотносительно к тому, означает ли оно "да" или "нет" или что-то еще. Просто "Му!", "Му!", "Му!"

Это монотонное повторение звука "Му!" должно было продолжаться до той поры, покуда сознание не окажется полностью захвачено им, не оставив места для других мыслей. Произносящий этот звук (вслух или про себя) в итоге целиком идентифицируется с ним. Больше уже нет индивида, повторяющего "Му!", а есть "Му!", повторяющее само себя. Когда индивид действует таким образом, то перестает быть самосознающим субъектом, но становится "Му!". Это "Му!" "стоит, сидит или идет, пьет или ест, говорит или хранит молчание. Человек преодолевает "поле сознания", целиком теперь занятое "Му!" Значит и вся вселенная есть теперь только "Му!" и ничего больше. "Под Землей и на небесах, я один - единственная драгоценность!" "Му!" есть Я. Теперь мы можем сказать, что "Му!", Я и Космическое Бессознательное - есть троичность в единстве и единство в троичности. Когда это единство или идентичность доминирует, сознание пребывает в уникальном состоянии, которое я называю "сознательно бессознательным" или "бессознательно сознательным".

Но это еще не есть состояние сатори (*satori*). Мы скорее должны рассматривать его как самадхи (*samadhi*), означающего "равновесие", "целостность", "спокойствие" или "состояние невозмутимости". Но для Дзэн этого недостаточно; должно быть определенное пробуждение, ломающее это равновесие и возвращающее человека назад к глубинным слоям сознания, где и обретается сатори. Но так называемый глубинный уровень, на самом деле, не является глубинным; он есть граница между сознанием и бессознательным. Как только мы прикасаемся к нему, наше повседневное сознание тут же начинает насыщаться токами бессознательного. В этот момент конечное сознание осознает свою укорененность в бесконечном. В терминах христианства, наступает момент, когда души слышат голос живого Бога. Евреи могли бы сказать, что Моисей находился именно в подобном состоянии сознания, когда услышал глас божий на горе Синай: "Я есмь Сущий".

3

Вопрос теперь заключается в следующем: "Как Сунские учителя открыли "Му!" в качестве столь эффективного средства переживания опыта Дзэн?" Ясно, что в "Му!" нет ни грана интеллекта. Ситуация прямо противоположна той, когда учитель и ученики обменивались *mondo* в период, предшествовавший эпохе Сун. В самом деле, если задан вопрос, то уже сам факт вопрошания предполагает интеллектуализацию. "Что есть Будда?", "Что есть Я?", "В чем заключается главный принцип буддийского учения?", "В чем смысл бытия?", "Стоит ли жизнь того, чтобы прожить ее?" Подобные вопросы подразумевают "интеллектуальные" или умозрительные ответы. Спрашивается, могут ли подобные вопросы быть применимы к "изучению" "Му!"? Да они просто-напросто повиснут в воздухе.

Следует помнить, что позиция Дзэн заключается в игнорировании всех форм вопрошания, потому что вопрос сам по себе противоречит духу Дзэн. Он ориентирует нас на внимание к вопрошающему только в качестве живого субъекта при отвлечении от всего остального. Один-два примера раскрывают данное положение.

Басё До-ити был великим учителем Дзэн в эпоху Тан. Не будет преувеличением сказать, что Дзэн по-настоящему начинается именно с него. Его отношение к вопрошающим было исключительно своеобразным и в высшей степени необычным. Сюйрё (или Сюйро), спросивший об истине Дзэн, был сбит учителем с ног. В другой раз Басё ударил монаха, который поинтересовался, каков первый принцип Буддизма. В третий раз он дал в ухо ученику, по ошибке спросившему: "Зачем Боддхидхарма посетил Китай?" На первый взгляд, грубое рукоприкладство со стороны Басё свидетельствует о его бессилии ответить на данные вопросы, но, на самом деле, оно должно быть понято как наказание для тех, кто настолько глуп, что вслух задает жизненнозначимые вопросы. И наиболее поразительно, что сами пострадавшие монахи вовсе не были оскорблены или разгневаны. Как раз наоборот, один из них с энтузиазмом воскликнул: "Как удивительно, что истины, данные в Сутрах, могут уместиться на кончике волоса". Спрашивается, каким образом грубый удар учителя смог привести ученика к столь чудесным метаморфозам?

Ринзай, другой великий учитель Дзэн, прославился своим бессмысленным восклицанием: "*Kätz!*", когда ему задавали бессмысленные вопросы. Току-сан, еще один несравненный мастер, нередко пускал в дело свой посох еще до того, как монах успевал раскрыть рот. Известен его знаменитый афоризм: "Тридцать ударов моей палки, если вы

хотите что-то сказать, тридцать ударов, если вам сказать нечего". Оставаясь на уровне интеллекта, мы ничего не поймем в действиях учителей, не обнаружим никакой связи между вопросами монахов и этими вспышками раздражения, и тем более мы ничего не сумеем сказать о влиянии этих вспышек на вопрошающих. Неправдоподобность и непривычность подобных ситуаций способны по меньшей мере разочаровать нас.

Истина же состоит в том, что целостность человеческого существования есть не вопрос интеллекта, но вопрос воли в самом прямом смысле этого слова. Разум способен поднимать любые вопросы - и правильно, что он это делает, - но ожидать от него ответов на последние проблемы бытия - значит требовать от него слишком многого. Природа разума не такова. Ответы скрыты в глубине нашего существа, и извлечь их можно лишь великим усилием воли. Когда нам это удастся - двери восприятия открывают новую перспективу. Интеллект предполагает, но то, что на самом деле предстает перед нашими глазами, уже не имеет отношения к вопрошаемому. Интеллект всегда неглубок и лишь скользит по поверхности сознания. Поверхность должна быть преодолена для того, чтобы достигнуть бессознательного. Но, пока бессознательное является вотчиной психологии, никакого сатори в смысле Дзэн быть не может. Следует отбросить психологию и схватить то, что может быть названо "онтологией бессознательного".

Сунские учителя осознали подобную истину в результате длительной индивидуально-психологической

практики, и, одновременно через процесс обучения своих учеников. Они пытались взорвать интеллектуальные апории посредством "Му!", где нет и следа деятельности разума, а только абсолютная воля, преодолевающая интеллект. Но я вновь и вновь прошу читателя не записывать меня в антиинтеллектуалисты. Я выступаю лишь против рассмотрения интеллекта в качестве высшей реальности. Напротив, это интеллекту следует указать, хотя бы в первом приближении, что есть реальность. Она схватывается только тогда, когда интеллект умеряет свои притязания. Дзэн, зная об этом, предлагает коан, отчасти спасающий интеллект. В некотором смысле его можно рассматривать логически или, точнее, он выглядит так, будто еще остается место для логического рассмотрения. Следующие примеры показывают, что я имею в виду.

Как сообщают источники, Ёно, шестой патриарх Дзэн, потребовал от задавшего вопрос: "Открой мне свое подлинное лицо, которое ты имел до рождения". Его ученик Нангаку Ёдзё спросил одного монаха, жаждавшего просветления: "Кто тот единственный, кто приходит ко мне таким образом?" Один сунский учитель поинтересовался: "Где мы встретимся после того, как ты умрешь, а пепел твой после кремации развеет по ветру?" Хакуин, великий мастер Дзэн современной Японии, обычно поднимал руку перед своими исследователями, требуя: "Дайте мне услышать звук хлопка одной руки". В Дзэн вообще существует масса невыполнимых команд: "Орудуй лопатой, которую держишь в пустых руках". "Шагай, путешествуя на осле". "Говори, не шевеля языком". "Играй на лютне без струн". "Останови льющийся дождь". Эти парадоксальные требования, без сомнения, способны довести интеллект до высшей степени напряжения, заставляя его, в конце концов, квалифицировать их как абсолютно бессмысленные и незаслуживающие траты на них умственной энергии. Но никто не станет отрицать ра-

циональность другого вопроса, с незапамятных времен волновавшего философов и поэтов: "Откуда мы пришли и куда мы идем?" Все "невозможные" вопросы и утверждения учителей Дзэн есть не что иное, как "алогичные" вариации этого наиболее "рационального" из всех вопросов.

Если вы изложите свои логические взгляды на коан, учитель непременно отвергнет их, причем в категорической и саркастической форме, даже не обосновывая свою позицию. После нескольких таких бесед вы можете совершенно растеряться, придя к выводу о том, что имеете дело со "старым фанатиком", не ведающим о современном рациональном мышлении. Но суть заключается в том, что мастер Дзэн знает свое дело гораздо лучше, чем его судьи. Дзэн не является какой-то интеллектуальной или диалектической игрой. Он выходит на нечто, лежащее глубоко под логической пленкой вещей, где, как он уверен, "живет истина, освобождающая нас".

Любое суждение, тем или иным образом привязанное к сфере логического, неизбежно будет замкнуто на поверхностный слой сознания. Интеллект выполняет массу функций в нашей повседневной жизни, вплоть до разрушения гуманистических ценностей и стирания индивидуальности. Без сомнения, в целом он является полезной вещью, но не разрешает глубинных вопросов, рано или поздно встающих перед нами в жизни. Таковы проблемы жизни и смерти, проблема смысла существования. Когда мы встречаемся с ними, интеллект сразу обнаруживает свою ограниченность, неизменно впадая в противоречие. Не интеллектуальный маневр или логический трюк, а целостность нашего бытия необходима для постижения реальности. Как учат мастера Дзэн, оно подобно восхождению на вершину, когда необходимо карабкаться все выше и выше, покуда вам не удастся совершить отчаянный прыжок, совершенно меняющий ваше экзи-

стенциальное самочувствие. В это мгновение вы почувствуете себя в безопасности, на "пьедестале распустившегося лотоса". Такой прыжок невозможно совершить с помощью интеллекта или логики.

Последняя подразумевает непрерывность, но только не скачок через зияющую пропасть. Но вопреки логической невозможности, Дзэн призывает нас именно к этому. Поэтому Дзэн намеренно шокирует нас, демонстрируя последствия нашей привычки все рационализировать. Дзэн отлично знает свои собственные границы, а мы в основном пребываем относительно них в совершенном неведении, пока сами не сталкиваемся вплотную со смертью. Этот личностный опыт необходим для проявления тотальности нашего бытия, поскольку обыкновенно нас слишком легко удовлетворяют интеллектуальные решения, относящиеся ко вторичным ценностям жизни.

Будда обрел просветление вовсе не благодаря философским изысканиям, своей аскетической или моральной деятельности. Будда обрел его, только отказавшись от всех поверхностных форм жизни, составляющих внешнюю оболочку нашего существования. Интеллект, мораль, познание - нужны лишь для того, чтобы осознать свои собственные границы.

Практика коанов преследует цель вернуть нас в отчий дом.

Воля, в исходном значении этого термина, как я уже отмечал выше, более фундаментальна, чем интеллект, поскольку лежит в основе всех существований и объединяет их все в уникальность бытия. Камни лежат там, где они лежат - такова их воля. Реки текут - это их воля. Растет трава - это ее воля. Птицы летают - это их воля. Люди ведут беседу - это их воля. Меняются времена года, тучи посылают на землю дождь или снег, происходят землетрясения, катятся волны, сияют звезды - все они следуют своему собственному волению. Быть - значит быть волящим и,

следовательно, существовать. В мире нет ничего, что не имело бы воли. Одна великая воля, откуда берет свое начало бесконечное множество волей, представляет собой то, что я называю "Космическим (или онтологическим) Бессознательным" - пустым резервуаром бесконечных возможностей. "Му!", таким образом, связано с бессознательным путем работы в волящем модуле сознания. Коан, который выглядит диалектически, тоже, в конце концов, психологически подводит нас к волящему центру сознания, а затем и к самому Источнику.

5

Как я уже говорил, ученик Дзэн, после нескольких лет, даже иногда месяцев пребывания с учителем - приходит в состояние полного бездействия. Он в замешательстве, какой путь следует избрать. Он пытался на своем уровне разрешить коан, но безрезультатно. Теперь он чувствует себя загнанным в угол. В этот момент мастер может сказать: "Это хорошо - быть припертым к стенке. Пришло время совершить обратный путь". Возможно учитель продолжит: "Не головой ты должен думать, а животом, брюшной полостью".

Быть может, это звучит очень странно. Согласно современной науке, мозг содержит серое и белое вещество, а также нервные клетки и окончания, соединенные вполне определенным образом. Как может учитель Дзэн игнорировать этот факт, советуя думать животом. Но учитель Дзэн сам принадлежит к странной породе людей. Он не станет слушать, что говорит наука, древняя или современная. Он прекрасно знает свое дело, опираясь на личный опыт.

У меня есть свое объяснение данной ситуации, возможно, ненаучное. Тело можно разделить на три

фундаментальные части: голову, живот и конечности. Конечности существуют для передвижения. Руки созданы для творческой, производительной работы. Обе руки с десятью пальцами сформировали все необходимое для здорового функционирования тела. Моя интуиция подсказывает, что руки развились в первую очередь, а уже затем голова, ставшая независимым органом мысли. Когда руки используются тем или иным образом, они отрываются от земли, делаясь отличными от подобных органов у животных. Когда руки человека перестают касаться земли, оставляя функцию передвижения исключительно ногам, они (руки) могут уже самостоятельно совершенствоваться, что дает, в свою очередь, возможность прямохождения и открывает широкое поле обозрения. Глаз человека - интеллектуальный орган, в то время как ухо - орган более примитивный. Что касается носа, ему лучше держаться подальше от земли, так как глазам теперь открыта более широкая панорама. Расширение визуального поля означает, что сознание все более отрывается от чувственных объектов, превращаясь в орган интеллектуального абстрагирования и обобщения. Таким образом, голова символизирует деятельность ума, а глаз, с его двигательными мышцами - его полезный инструмент. Брюшная полость, содержащая внутренние органы, контролируется безусловными рефлексам, представляя собой наиболее примитивную ступень эволюции человека. Эта часть близка природе, из которой мы берем свое начало и в которую возвращаемся. Здесь присутствует интимный контакт с природой, когда мы чувствуем ее, говорим с ней, наблюдаем. Наблюдение - это не умственная операция, а скорее аффективная. Чувство может сказать убедительнее, чем слово.

Интеллектуальное наблюдение - функция ума, поэтому следует сказать, что как бы мы ни старались понять природу - это будет абстракцией, но никогда -

ею самой. Природа не обнаруживает себя перед интеллектом. Только внутренние органы нашего тела чувствуют и понимают ее. Род понимания, который может быть назван аффективным или волящим, включает в себя личность как целое, и сосредоточен в брюшной полости. Когда учитель Дзэн советует нам удерживать коан в животе, он имеет в виду сближение коана со всем нашим существом, полное отождествление личности с ним, а не интеллектуальное бесстрастное созерцание чего-то, внешнего нашему бытию.

Как-то американский ученый, изучавший первобытные племена, сказал туземцам, что люди на Западе думают головой. Те решили, что американец сошел с ума и ответили: "Мы думаем животом". Люди в Китае, а также в Японии (не знаю, как в Индии), когда возникают трудноразрешимые проблемы, часто говорят: "Продумай своим животом" или просто: "Спроси свое нутро". Иными словами, когда появляются вопросы, затрагивающие наше существование, нам советуют "думать" животом, а не другой частью тела. "Живот" защищает целостность нашего бытия, тогда как голова, развившаяся значительно позже, представляет лишь деятельность мозга. Интеллект объективирует предметы рассмотрения. Не случайно поэтому в Китае идеальный человек изображается довольно тучным. Таково изображение Хотэя (*Pu-tai*, кит.), который считается олицетворением грядущего будды Майтрейи*.

"Думать животом" в действительности означает держать диафрагму опущенной, чтобы дать правильно функционировать органам грудной клетки, добиваясь

* В моей работе *Manual of Zen Buddhism* (London, Rider, 1950), на иллюстрации 11, с. 129 изображен человек Дзэн, зашедший на рынок, - что значит, вышедший в мир ради спасения всех существ.

состояния восприятия коана. Вся процедура направлена на то, чтобы не допустить превращения коана в объект интеллектуализации, поскольку интеллект всегда отстранен, отчужден от объектов, словно он смертельно боится их коснуться, не говоря уже о том, чтобы схватить их и удержать голыми руками. Дзэн, напротив, велит нам не только схватить коан руками, но и максимально отождествить себя с ним, чтобы, если я ем или пью, это делал бы не я, а коан. Если подобное состояние достигнуто, коан решается сам собой, без дальнейших действий с моей стороны.

Что касается значения диафрагмы в структуре человеческого тела, мои медицинские познания более чем скудны, однако здравый смысл, основанный на определенных опытах, подсказывает, что в системе брюшной полости диафрагма играет большую роль, формируя ощущение безопасности, которое рождается в нас при соприкосновении с основанием вещей. Это и есть предельная реальность. Установление такого типа взаимосвязи называется *куфу сурю* (*kufū suru*, яп.). Когда учитель Дзэн говорит тебе направит свой куфу на коан при помощи живота, он имеет в виду лишь попытку успешно установить эту взаимосвязь. Возможно, такой "примитивный" и антинаучный разговор - и есть путь единения диафрагмы, живота и предельной реальности. Мы чересчур обеспокоены значением головы для нашей интеллектуальной деятельности. А ведь коан в принципе не может быть решен при помощи ума. Не взирая на замечательные достижения логики, коан может быть постигнут только животом.

Возьмите пример с посохом в руках Учителя, воскликнувшего "Я не называю это посохом, а как бы вы это назвали?" Похоже, здесь требуется диалектический ответ, поскольку нарушен закон тождества, аналогично вопросу: "Услы Бог не есть Бог, то что он есть?" Если А однажды определено как А, то оно

должно оставаться А и никогда не быть не-А, В или Х. Учитель может заявить и так: "Посох не есть посох, и все-таки он - посох". Если ученик пытается понять учителя логически и объявит такой вопрос совершенно нелепым, то наверняка получит от учителя удар этим самым посохом. Железная воля учителя не уступает никаким формам интеллектуального давления, и ученик оказывается в тупике. Раз подчинившись *куфу*, ученик должен прочувствовать реальность животом, а не интеллектом. Интеллект здесь обязан уступить свое место воле.

Возьмем другой случай. Шестой патриарх требовал увидеть "лицо, которое вы имели до рождения". Диалектика здесь бесполезна. Вспомним аналогичное изречение Христа: "Я есть прежде, чем Авраам родился". Каковы бы ни были традиционные интерпретации христианских теологов, бытие Христово бросает вызов человеческому ощущению последовательного течения времени. Также обстоит дело с "лицом" у шестого патриарха Дзэн. Интеллект может перебрать все варианты ответа, но патриарх, подобно Христу, отвергнет их с еще большей определенностью как неуместные. Голова должна преклониться перед диафрагмой; разум - перед душой. Логика и психология должны быть свернуты и оставлены вне интеллекта.

Продолжим наш метафизический разговор: "Голова суть сознание, тогда как живот суть бессознательное". Когда учитель говорит своим ученикам "думать" нижней частью тела, это значит, что коан должен опуститься в бессознательную, а не сознательную сферу сознания. Коан должен влиться в целостное бытие, а не останавливаться на периферии. Словами этого не выразить. Но когда коан достиг глубин бессознательного, сливаясь с ним так, что даже алая-виджняна (*ālaya-vijñāna*), "все-сохраняющее сознание"* не спо-

* См.: *The Lankāvatāra Sūtra*. London: Routledge, 1932. P. 38,40,49

собно удержать его, мы видим, что коан не находится более в сфере мышления, а полностью отождествился с Я. Теперь коан покинул пределы психологии.

Когда все эти ограничения преодолеваются, включая и так называемое "коллективное бессознательное", — человек приходит к тому, что известно в Буддизме как адаршанаджняна (*ādarsānañjāna*), "зеркальное знание". Мрак бессознательного развеян и все вещи видны тебе столь же явственно, как собственное лицо в зеркале, отполированном до блеска.

6

Коан, как метод изучения Дзэн, стал известен в Китае с XII в., начиная с учителей Сун, например, у Госо Хоэна (ум. в 1104 г.), Энго Кокугона (1063-1135) и Дайэ Соко (1089-1163). Систематизировали этот метод в Японии вскоре после знакомства с Дзэн в XIII в. Поначалу возникла следующая классификация коанов: праджня-интуитивный, рити (*richi*); действенный, кикван (*kikwan*); и предельный кодзе (*kōjō*). Позднее, в XVII в., Хакуин и его последователи увеличили это количество до 5-6, сохранив, однако, сущность трех основных, старейших направлений. С тех пор именно по этой стереотипизированной схеме изучают Дзэн ученики школы Ринзай, что в известной мере суживает и обедняет обучение.

Классические образцы коанов принадлежат Букко Кокуси (1226-1286) в Китае и Хакуину (1685-1768) в Японии *

Подход к Дзэн вне системы коанов хорошо про-

и др., а также мою работу "Очерки по Дзэн-Буддизму" (*Essays in Zen Buddhism, Ser.3. London: Rider, 1951. P. 314*).

* С.м. мою работу "Очерки по Дзэн-Буддизму", *Ser.1. London: Rider, 1949. P. 252, 253.*

иллюстрируют рукописи Ринзая (ум. в 867 г.) в Китае и Банкея (1622-1693) в Японии *. Ученые, заинтересованные в дальнейшем психологическом изучении Дзэн, могут обратиться к ряду моих работ, посвященных этому предмету.

Хотелось бы добавить еще несколько слов. Джняна обычно переводится как "знание", но точнее было бы сказать "интуиция". Иногда я перевожу это как "трансцендентная мудрость", особенно если имеется приставка "pra" в слове праджня. В самом деле, обладая интуицией, мы все же воспринимаем (видим или чувствуем) объект как нечто внешнее. Здесь есть дихотомия субъекта и объекта. В праджне она исчезает. Праджня не имеет дела с конечными объектами как таковыми. Всеобщность не ограничена, а бесконечная всеобщность запредельна нашему обыденному пониманию. Но праджня-интуиция и есть "непостижимая", абсолютная интуиция бесконечного, которое никогда не дано нам в повседневном опыте, определяемом конечными объектами или событиями. Поэтому, только тогда, когда ограниченные чувственные объекты и интеллектуальное начало сливаются с беспредельным, возможна праджня.

Беспредельное созерцает в себе самое себя, но для нашего опыта доступнее сказать, что объект - ог-

* Высказывания Ринзая (Ринзай Року), собранные его учениками, включают 13380 фрагментов и считаются одними из лучших высказываний Дзэн, известных как Гороку (*Goroku*). Издание Сунского текста в 1120 г. считается вторым образцом этого жанра, хотя известно, что он основан на более раннем, ныне утраченном тексте. С.м. мою работу "Исследования Дзэн", с.25.

Относительно Банкея смотрите мою работу "Жизнь в Дзэне" (*Living by Zen*), с.11. Он был противником изучения Дзэн посредством коанов, которое доминировало в то время. Он был старшим современником Хакуина, который, однако, ничего о нем не знал.

раниченный, принадлежащий к дихотомическому субъект-объектному миру, воспринимается *праджней* с точки зрения беспредельного. Выражаясь метафорически, конечное видит свое отражение в зеркале бесконечного. Интеллект говорит нам, что объект конечен, но *праджня*, в противоположность этому, заявляет о его бесконечности по ту сторону царства относительности. Онтологически это означает, что все конечные объекты или события возможны благодаря скрытой в них бесконечности; что конечные вещи, в силу своей относительности, ограничены явлены в плоскости бесконечного, без которого они оказались бы словно без якорей.

Вспоминается Первое послание апостола Павла к коринфянам (13:12), где сказано: "Теперь мы видим как-бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан". Настоящее или "теперь" приводит нас к относительному ограниченному порядку следования во времени, тогда как "потом" есть вечность, которая в моей терминологии, суть *праджня*-интуиция. В *праджне*-интуиции или "знании" я вижу Бога, как он есть в себе, а не сквозь "тусклое стекло", гадательно, потому что я стою перед ним "лицом к лицу", потому что я - суть он. Адаршанаджняна (*ādarsanaññāna*), обнаруживающаяся как взорванное основание бессознательного, т.е. алаяя-виджняна (*ālayaviññāna*), есть ничто иное как *праджня*-интуиция. Первичная воля, давшая начало всему сущему, вовсе не слепа или неосознанна; так кажется только вследствие нашего неведения (*avidyā*). Слепы лишь мы, а не волевое начало, изначальное и фундаментальное, равно и интеллектуализирующее и волящее. Воля - это *праджня* плюс каруна (*karuṇā*), мудрость плюс любовь. В плоскости же относительного, ограниченного, конечного мы наблюдаем фрагмен-

тарные, отдельные проявления воли. Нужно сказать, что мы склонны воспринимать ее как нечто отдельное от умственной активности. Но явленная в чистом зеркале адаршанаджняны, она суть "Сам Бог". В нем *праджня* не отличается от *каруна*. Когда упоминается одно, ему неизбежно сопутствует другое.

Не могу не добавить здесь еще пару слов. Межличностные взаимоотношения иногда рассматриваются в связи с упражнением коан, когда учитель задает вопросы, а ученик ему отвечает. Если учитель особенно упорно и ловко сопротивляется интеллектуальному напору ученика, тот, отчаявшись найти выход из ситуации, чувствует свою полную зависимость от учителя. Он доверяет рукам, которые могут поднять его после падения. В Дзэн такой род отношений между учителем и учеником не считается продуктивным для достижения учеником состояния просветленности. Сам коан ("Му!") символизирует предельную реальность. Именно он должен пробудиться в ученике из недр его бессознательного, а вовсе не учитель. Это коан ("Му!") заставляет учителя сбить с ног ученика, который, поднявшись, в свою очередь дает учителю пощечину. Здесь в конечной, секундной схватке личности отсутствуют. Это важнейшее, что должно быть правильно понято в учении Дзэн.

ПЯТЬ ШАГОВ

(Go-I)

1

Мне задали множество вопросов; когда я их просмотрел, то обнаружил, что в большинстве из них оказался упущенным центральный пункт, вокруг которого сконцентрировано учение Дзэн. Это побудило меня продолжить дальше тему образа жизни и учения Дзэн.

Вот примеры указанных вопросов:

1. Как случилось, что в произведениях Дзэн так малоподробно освещены проблемы культуры, организации общества и благосостояния человека? В связи с этим есть ли польза от Дзэн (обретение целостности бытия) при приготовлении к смерти, как это было в случае с подготовкой фехтовальщика?

Нет ли в практике Дзэн опасности сделаться невосприимчивым к ценности каждой личности? Участвуют ли учителя и ученики Дзэн в решении проблем сегодняшнего дня?

2. Каково отношение Дзэн к этике? К политическому и социальному угнетению; к индивидуальной позиции и ответственности перед обществом?

3. Есть ли разница между сатори и христианским приобщением к таинству? Есть ли какие-то другие, помимо культурных, различия в обсуждении этой проблемы?

4. Христианский мистицизм полон эротических образов - есть ли какой-нибудь след этого сатори? Или в состояниях, предшествующих сатори?

5. Есть ли в Дзэн критерии для различения гениального мистического переживания от галлюцинации?

6. Как проявляется в Дзэн интерес к истории индивидуальности, влиянию семьи, социальных институтов на процесс самоотчуждения? Некоторые из нас интересуются этим, чтобы предотвратить отчуждение в новых поколениях через улучшение как индивидуального воспитания, так и общественных структур. Если мы будем знать, что продуцирует болезненное состояние, то мы могли бы постараться предотвратить кризис.

7. Дает ли Дзэн какие-нибудь рекомендации по поводу тех процедур обучения в детстве, которые в наибольшей степени могли бы способствовать обретению просветления?

8. Представляется, что Дзэн учитель начинает общение с учениками, не обращая внимание на их индивидуальность или, по крайней мере, никак внешне на нее не реагируя. Допустимо, однако, что человек может приобщаться к Дзэн из тщеславия или необходимости обрести нового кумира, хотя сам он, этого и не осознает. Поможет ли ему в обретении себя ясное понимание того факта, что его нынешнее направление движения призвано превратить прежний опыт в золу и тлен?

Сочетает ли учитель Дзэн понимание человека и тех препятствий, которые могут быть на его пути? Этого на практике не делается, но не было бы ученику легче достичь цели, если бы он знал об ожидающих его трудностях?

9. Не кажется ли вам, что психоанализ, как вы его понимаете, все же дает ищущим надежду на просветление?

10. Каково отношение Дзэн к образам, которые могут возникнуть в процессе медитации?

11. Занимается ли Дзэн проблемой эмоциональной зрелости и самореализации в социальном существовании человека, т.е. в сфере "межчеловеческих отношений"?

Не будет преувеличением сказать, что Дзэн является таинственным учением, о котором можно пи-

сать и говорить бесконечно, и все же не исчерпать его содержания. С другой стороны, если мы очень пожелаем, то в состоянии сделать это, подняв один палец или покашливая, или подмигивая глазом, или издавая бессмысленный звук.

Следует констатировать, что даже если все океаны на земле превратятся в чернила, все горы - в кисть, а весь мир станет листом бумаги, и нам будет сказано написать о Дзэн, то мы и тогда не создадим о нем всеобъемлющего представления. Неудивительно, что мой корявый язык (не в пример Будде) обречен на неудачу при попытке приобщить людей к Дзэн посредством четырех лекций.

Следующая таблица, представляющая пять "шагов", известных при обучении под названием "go-i", облегчит понимание. "Go" в "go-i" означает "пять", а "i" значит "ситуация", ступень", или "шаг". Эти пять шагов делимы на две группы: теоретическую и аффективную (или волевою). Средний, третий "шаг" - это смещение акцента, когда теоретическое начинает превращаться в волевое, а знание становится жизнью. Здесь теоретическое постижение жизни становится динамическим. "Слово" приобретает плоть; отвлеченная идея трансформируется в живую личность, которая чувствует, проявляет волю, надеется, стремится, страдает и способна к бесконечным формам активности.

Go-i читается по-японски следующим образом:

1. Сё тю хэн (*Shō chū hen*) т.е. буквально "хэн находится в сё".
2. Хэн тю сё (*Hen chū shō*), сё находится в хэн".
3. Сё тю рай (*Shō chū rai*), т.е. "исходящий из сё".
4. Кэн тю сё (*Ken chū shi*), т.е. "пребывающий в кэн".
5. Кэн тю тө (*Ken chū tō*), т.е. обретающийся кэн".

Сё и хэн составляют пару противоположностей, подобно инь и ян в китайской философии. Сё буквально означает "правильный", "прямой", "справедливый", а хэн - "частичный", "односторонний", "неуравновешенный", "накрененный".

Английский эквивалент может выглядеть примерно так:

<i>Сё</i>	<i>Хэн</i>
абсолютное	относительное
бесконечное	конечное
единичное	множественное
Бог	мир
Мрак (неразличенное)	Свет (различенное)
сходство	различие
пустота, шиньята, (<i>śūnyatā</i>)	форма и материя,
Мудрость, праджня (<i>prajñā</i>)	намарупа (<i>nāmarūpa</i>)
всеобщее, Ри (ли) (<i>Ri (li)</i>)	Любовь, каруна (<i>karunā</i>)
	особенное, дзи (<i>ji</i>),
	си (<i>shih</i>)

(Пусть А обозначает сё, а В - хэн).

(1) *Сё тю хэн*, "хэн находится в сё" - означает, что единое находится во множестве, Бог - в мире, бесконечное - в конечном и т.д. Когда мы думаем, сё и хэн непримиримо противостоят друг другу. Но в действительности, взятые сами по себе, сё не может быть сё, так же как хэн не может быть хэн. Множественное потому множественно, что в нем присутствует единое. Если единого нет, не может быть и речи о множественном.

(2) *Хэн тю сё*, "сё находится в хэн" - дополняет (1). Если единое находится во множественности, то и множественное находится в едином. Множественное

делает единое возможным. Бог в мире и мир в Боге. Бог и мир разделены и не совпадают в том смысле, что Бог не может существовать вне мира, и одно не отличается от другого. Они суть одно, но каждый сохраняет свою индивидуальность. Бог бесконечно обособляется, а мир особенностей обнаруживает себя укорененным в лоне Бога.

(3) Теперь мы подошли к третьему шагу в жизни приобщенного к Дзэн. Это решающий момент, в котором абстрактное качество предшествующих двух шагов преобразует себя в волящее начало, и становится в действительности живой, чувствующей, активно действующей личностью. До этого момента адепт был головой, интеллектом, отрицавшим возможность чувственной репрезентации продуктов своего ума. Теперь он снабжен туловищем со всеми внутренностями, а также конечностями, особенно руками, количество которых может возрасти даже до тысячи (символизируя бесконечность), как у Боддхисаттвы Каннон. В своей внутренней жизни адепт чувствует себя, как младенец-Будда, который, едва выйдя из материнской утробы, произнес следующие слова: "Под Землей и на Небесах, я - единственная драгоценность".

Услышав это изречение, люди с научным складом ума могут улыбнуться: "Что за вздор! Как мог в устах ребенка прозвучать столь сложный афоризм? Совершенно невероятно!" Думаю, они будут правы. Однако следует помнить о том, что обладая рациональным бытием, мы в то же время существа наиболее иррациональные, и с нами происходит множество невероятных, чудесных событий. Разве не воскрес Христос из мертвых и не вознесся на небеса, хотя мы не знаем куда? Разве не явила подобное чудо его мать, Дева Мария?

Рассудок свидетельствует об одном, но есть нечто вне рассудка, что заставляет каждого из нас принимать чудеса на веру. Даже мы сами, вполне обык-

новенные люди, в каждое мгновение нашей жизни творим чудеса, несмотря на все свои религиозные разногласия.

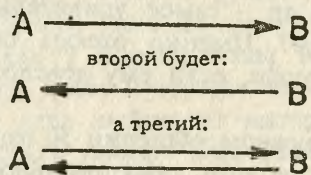
Лютер изрек: "На том стою и не могу иначе". Хякудзэ, будучи спрошен, какая вещь самая удивительная на свете, ответил: "Одинокое сидеть на вершине горы Дайю (*Daiyu*)". На горе Дайю располагался его монастырь. В китайском оригинале нет упоминания, кто именно сидит; просто сказано: "Одинокое сидеть с горой Дайю". Сидящий не отделяет себя самое от вершины горы. Одиночество адепта Дзэн, несмотря на его существование в мире множественного, замечательно.

"Подлинный Человек без имени и звания" у Ринзая есть никто иной, как находящийся в данный миг перед каждым из нас, неизменно внимающий моему голосу, если я говорю, и моему слову, если я пишу. Не это ли - самое удивительное из того, что мы переживаем? Именно отсюда ощущение "тайны бытия" у философа, если ему довелось почувствовать это.

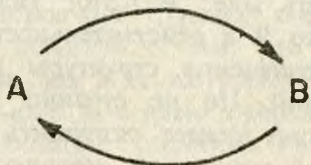
В повседневном общении Я означает лишь местоимение, но не есть сама реальность. Меня так и подмывает спросить: "А что означает такое Я?" Если просто местоимение, как "ты", "он", "она" или "оно", то что стоит за ними? Можете ли вы извлечь из них смысл и сказать мне: "Во: это!" Психолог проинформирует нас, что Я в действительности есть лишь понятие для обозначения структуры или совокупности взаимоотношений. Но не странно ли, что стоит Я рассердиться, оно жаждет разрушить целый мир вместе с той самой структурой, которую обозначает. Откуда же берется такая активность чистого понятия? Что заставляет Я провозглашать себя единственной реальностью? Я не может быть только условностью или заблуждением, оно должно быть более реальным и субстанциальным. И оно действительно таково, ведь

именно "здесь и теперь" происходит соединение *сё* и *хэн* в живом тождестве противоречия. Вся сила Я исходит из этого единства. Согласно Майстеру Экхарту, блоха в Боге более реальна, чем ангел сам по себе. Иллюзорное Я никогда не смогло бы стать "единственной драгоценностью". *Сё* во фразе *сё тью раи* употреблено не в том же значении, что в высказывании *сё тью хэн* или в *хэн тью сё*. *Сё* в *сё тью раи* должно читаться вместе с последующим *тью*, то есть *сё тью*, что означает "прямо из середины *сё* в качестве *хэн*, и *хэн* в качестве *сё*". Раи значит "происходить из" или "проистекать". Следовательно, все сочетание *сё тью раи* означает: "нечто, исходящее прямо из середины *сё* и *хэн* в их противоречивом тождестве".

Если мы установим следующие формулы, где *сё* суть А, а *хэн* суть В, то первый шаг будет выглядеть так:

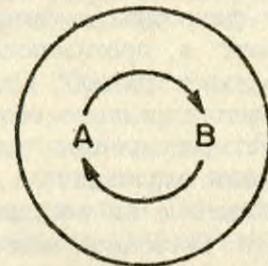

Но поскольку третье означает момент перехода понятийно-теоретического в волящее, а также логического в личностное, то следует обозначить его следующим образом:

На этом рисунке каждая из стрелок движется по кругу; и нам необходимо помнить, что это движение есть не простое механическое перемещение, а живое, творческое, неисчерпаемое, и поэтому даже графическая дуга здесь недостаточна. Следует, очевидно, поместить весь символ в круг, сделав его олицетворением

дхармачакры (*dharmacakra*), космического колеса в его нескончаемом вращении:

Или же можно принять в качестве изображения *сё тью раи* китайскую символику инь и ян:

Раи в *сё тью* очень существенно. Движение здесь обозначено через *си* в четвертом шаге - *кэн тью си* (*ken chū shi*). *Раи* - это "происходить из", а *си* означает "процесс достижения предназначения" или "движение к цели".

Логическая абстракция, Логос; покидает теперь свою темницу и, воплощенный, персонифицированный, вступает во множественный мир как "златогривый лев". Этот "златогривый лев" - суть Я, которое одновременно и конечно, и бесконечно, подвижно и постоянно, ограничено и свободно, абсолютно и относительно. Этот живой образ напоминает мне "Христа в день Страшного суда" на фреске Микеланджело в Сикстинской капелле. Но Я в Дзэн, насколько простираются его внешние проявления, не уподобишь Хри-

сту, энергичному, могущественному, повелевающему. В Дзэн оно кротко, смиренно, полно покорности.

Некоторые философы и теологи говорят о восточном "молчании" в противоположность западному "слову", которое стало "плотью". Однако они не понимают, что на Востоке реально обозначает "молчание", поскольку оно не противостоит "слову", оно само суть слово. Это "громовое молчание", а не тонущее в глубинах не-сущностного и не поглощенное вечным безразличием смерти. Восточное молчание подобно эпицентру урагана, это - покоящийся центр яростного шторма, без которого невозможно движение. Извлечь это средоточие неподвижности из того, что его окружает - значит придать ему форму абстракции и, тем самым, разрушить. Именно эпицентр делает ураган возможным. Эпицентр и сам ураган совместно конституируют тотальность бытия. Утка, тихо плывущая по поверхности озера, не должна быть отделена от своих деятельно работающих под водой лапок, хотя бы их и не было видно. Дуалисты обыкновенно упускают целое в его упорядоченной, конкретной тотальности.

Те, кто мыслит дуалистически, склонны односторонне подчеркивать аспект подвижности или визуальный, чувственный аспект реальности, игнорируя все остальное и придавая этому моменту исключительную важность. Например, балет - характерный атрибут Запада. Ритмическое движение тела и конечностей происходит здесь достаточно резко при всей его сложной гармонии. Сравните это с японским танцем "нб". Какой разительный контраст! Балет есть само движение, когда ноги едва касаются земли. Движение целиком воздушно, а покой почти неосязаем. В театре "нб" на сцене происходит совсем иное действие. Спокойно, торжественно, как если бы представление было религиозным ритуалом, твердо стоя на земле и сохраняя центр тяжести в брюшной полости, актер выходит из

ханамити (*hanamichi*) навстречу пристальным взглядам публики. Он движется, как бы не двигаясь. Он воплощает идею Лао-цзы о действии недеяния.

Подобным же образом и адепт Дзэн ненавязчив, всегда держится в тени и совсем непритязателен. В то время как он провозглашает себя "единственной драгоценностью", ничто в его внешнем облике не выражает внутреннего мира. Он - неподвижный двигатель. Именно здесь и возникает истинное Я, не то, которое мы обычно утверждаем, а Я, обнаруживающее себя *sub specie eternitatis*, в средоточии бесконечности. Такое Я есть самое надежное основание нашего бытия, которое коренится в нашем собственном существе и на которое мы можем смело опираться без чувства страха и мучительных колебаний. Это Я неуловимо почти до несуществования, поскольку оно никогда громко не заявляет о себе, добиваясь суетного признания. Дуалисты упускают этот момент; они превозносят танцоров балета, но изгоняют мастеров "нб".

Когда мы обсуждали идею тревоги у Салливана, то пришли к выводу о том, что тревога может быть двух родов: невротической и экзистенциальной, причем последняя является базовой. В дальнейшем, когда глубинная экзистенциальная тревога будет изжита, - невротическая тревога исчезнет сама собой. Все виды тревоги проистекают из факта, что где-то в нашем сознании присутствует ощущение неполноты знания о ситуации, и именно эта недостаточность знания приводит к чувству неуверенности, а затем и к чувству тревоги. Я всегда в центре любых ситуаций, с которыми мы сталкиваемся. Но когда Я до конца неизвестно, нас не перестанут мучить следующие мысли и вопросы:

"Есть ли смысл жизни?"

"Действительно ли все "суета сует"?"

Если да, что есть ли какой-нибудь смысл держаться за то, что не имеет смысла?"

"Я заброшен в водоворот жизненных обстоятельств, ограниченных, абсолютно неизменяемых и т.д. Я беспомощен, я - игрушка в руках судьбы. Но все-же я стремлюсь к свободе; я хочу быть хозяином самому себе. Я не могу сделать правильного выбора, однако решение, то или другое, властно будет диктовать мне логику поведения. Я не знаю, что предпринять. Но что есть Я, которое реально стоит за всеми этими загадочными и мучительными вопросами?"

"Где найти твердое основание, на котором я могу стоять, не чувствуя страха? Или, что есть Я? Может быть оно и заключает в себе такое основание? Возможно оно - как раз та истина, которую не нужно далеко искать? Я должно быть найдено. И все будет в порядке!"

2

Сё тю раи уже дал ответ на все эти вопросы, но когда мы приближаемся к четвертому шагу, *кэн тю си*, мы должны знать больше о Я в его напряженной активности, которая также и не-активность. Это, я надеюсь, станет понятным, когда мы придем к пятому и последнему шагу, на котором адепт Дзэн достигает конечной цели. Он обнаруживает себя там сидящим в состоянии невинности, покрытом золой и тленом.

(4) Давайте с учетом этих примечаний перейдем к четвертому шагу. В действительности, третий и четвертый шаги тесно взаимосвязаны и не могут рассматриваться отдельно.

Коль скоро последователь Дзэн мыслит логически и абстрактно, он продолжает осознавать *сё* и *хэн* и может ощущать их противоречивое единство. Но

поскольку он вступает в *кэн тю си*, то уходит из эпицентра и погружается в стихию шторма. Как *се*, так и *хэн* унесены четырьмя ветрами. Теперь человек суть сам шторм.

Кэн означает "оба" и отражает дуализм черного и белого, тьмы и света, любви и ненависти, доброго и злого, которые и есть проявления мира, где человек, приобщенный к Дзэн, проводит свою жизнь. Тогда как *сё тю раи* все еще напоминает нам о предшествующих двух шагах, *кэн тю си* уже оставил их позади, потому что он есть сама жизнь, преодолевшая интеллектуальные парадоксы или, что вернее, без разбора, тотально включившая в себя все, что есть в мире интеллектуального, аффективного или волевого. Это как раз мир, как он есть со всеми его "грубыми фактами" (по выражению некоторых философов), которые мы не в силах устранить. С этого момента адепт Дзэн именно в него "погружает свои ноги (*си*)". Подлинная жизнь начинается отсюда. Это и есть значение *кэн тю си*: "Он вступил теперь в сердцевину противоположностей (*кэн*)". Воистину, здесь начинается для последователя Дзэн жизнь, напоенная любовью (*каруна*).

Дзёсю Дзюсин, один из великих учителей Дзэн эпохи Тан, жил в обители в горах, известных своим естественным каменным мостом. Однажды Дзёсю посетил монах и сказал: "О, Учитель, ваш каменный мост знаменит на всю империю, но я вижу, что это всего лишь хрупкий бревенчатый мост". Дзёсю отпарировал: "Да, ты видишь хрупкий мост, а не можешь разглядеть настоящий каменный".

Монах спросил: "Что такое каменный мост?" Дзёсю ответил: "По нему проходят лошади, по нему проходят ослы".

Мост Дзёсю схож с песками Ганга, загрязненными и истоптанными животными, и все же пески веками не жалуются. Следы всех существ запечатлены вне

времени, что же касается нечистот, то пески бесследно поглотили их, оставшись столь же чистыми, как были от века. Вот и каменный мост Дзёсю: и лошадь, и ослы, а теперь и автомобили, и поезда проходят по нему, а мост полон извечной готовности услужить им. Даже плохое обращение с ним не нарушает его благодушия. Адепт Дзэн на "четвертом шаге" уже сам подобен этому мосту. Быть может, он и не подставит правую щеку, если его ударили по левой, но он будет молча трудиться во имя ближних.

Однажды старая женщина спросила Дзёсю: "Я женщина, а жизнь женщины очень тяжела. В детстве она всецело во власти родителей. Став взрослой, она выходит замуж и должна подчиняться мужу. В старости ею командуют дети. Ее жизнь - сплошное подчинение. Почему она должна так жить, не имея независимости и свободы? Почему она не как другие, которые зачастую лишены чувства ответственности? Меня возмущает старый уклад жизни в Китае".

Дзёсю сказал: "[Пусть твоя молитва будет]: {другие могут иметь все, что они хотят. Что касается меня, я упорно иду с тем, что принадлежит мне". Совет Дзёсю, возразят иные, предлагает не более, чем жизнь в полной зависимости, не отвечающую современным духовным запросам. Его совет слишком консервативен, негативен и самоуничижителен. Здесь нет чувства индивидуальности. Но разве это не типично буддийское учение ксанти (*khsānti*) о пассивности и ничто? Впрочем, я не защищаю Дзёсю.

Предоставим ему самому ответить на данное возражение. Например здесь:

Кто-то спросил его: "Ты святой человек. Где же ты будешь после смерти?"

Дзёсю, как истинный учитель Дзэн, ответил: "Я отправлюсь в ад впереди вас всех".

Спросивший был ошеломлен: "Как же так?"

Учитель не колебался: "Если я не спущусь в ад, кто же будет ждать там, чтобы спасти таких, как ты?"

Это, конечно, чересчур сильное утверждение, но с точки зрения проникновения в суть Дзэн - совершенно справедливое. У Дзёсю нет никаких личных мотивов. Все его существование посвящено сотворению добра для других. В противном случае он не сумел бы дать столь обескураживающе искренний ответ. Христос провозглашал: "Я есть Путь". Он призывает других спастись через него. Дух Дзёсю есть дух Христа. В обоих нет высокомерного эгоцентризма. Они просто, искренне, всем сердцем выражают один и тот же дух любви.

Кто-то спросил Дзёсю: "Будда является просветленным и одновременно учителем. Он, воистину, полностью свободен от всех страстей клеша (*kleśa*), не правда ли?"

Дзёсю сказал: "Нет, он единственный, кто возвращает самую большую страсть среди всех мыслимых страстей".

"Как это возможно?"

"Его величайшая страсть - спасение всех существ", - ответил Дзёсю.

Один из величайших учителей Дзэн описал жизнь приобщенного к учению следующим образом*.

Боддхисаттва вращает колесо тождества противоположностей или противоречий: черного и белого, тьмы и света, сходства и различия, любви и несправедливости, дружбы и вражды и т.д. Будучи между облаками и прахом, бесконечно разнообразный Боддхисаттва работает головой и лицом, покрытыми грязью и неп-

* Нижеприведенные слова слегка модернизированы мной.

лом. Там, где в неопикуемой ярости бушует море страстей, Боддхисаттва живет своей жизнью со всеми ее превратностями. Японская поговорка гласит: "Семь раз согнись и распрямись, а на восьмой встанешь прямо". Боддхисаттва - как цветок лотоса в огне, чей цвет становится ярче и ярче, проходя через испытание пламенем.

Следующие слова составляют описание "Человека без имени" у Ринзая:

Он тот, кто находится в доме и, вместе с тем, на дороге; он тот, кто в дороге, но вместе с тем и дома. Обыкновенный ли он человек или большой мудрец? Никто не может сказать. Даже дьявол не знает, как определить его местоположение. Даже Будда потерпит неудачу, если вздумает руководить им. Когда мы пытаемся указать на него, его уже нет; он по другую сторону горы.

В "*Сутре Лотоса*" мы читаем: "До тех пор, пока в мире есть хоть одна несчастная душа, я буду возвращаться в мир, чтобы помочь ему". В той же сутре Будда говорит: "Боддхисаттва никогда не вступит в конечную нирвану. Он будет находиться среди живых существ - сарвасаттва (*sarvasattva*) и трудиться, чтобы просветлять их. Он должен заботиться и о том, чтобы не избегать страданий, если через них лежит путь к всеобщему благоденствию".

В Махаяне есть сутра, называемая "Юйма ке (*Yuima-Kyō*) - Вималакиртисутра (*Vimalakīrtisūtra*)", где основной собеседник - светский последователь Будды и великий философ. Однажды пришла весть, что он болен. Будда попросил кого-нибудь из учеников пойти и узнать о его здоровье. Никто поначалу не откликнулся, так как Юйма был столь непревзойденным

спорщиком, что никто из современников не мог победить его. Наконец Монзю (Манджушри) выразил желание исполнить поручение Будды.

Когда Монзю спросил Юйма, как он себя чувствует, тот ответил: "Я болен, потому что все люди больны. Моя болезнь может быть вылечена только, если все они излечатся. Люди одержимы Алчностью, Злостью и Безрассудством".

Любовь и сострадание, как мы видим, являются сутью бытия Будды и боддхисаттв. Эти "страсти" заставляют их оставаться с людьми до тех пор, пока хотя бы один из них непросветлен. Японское изречение гласит: "Они пришли в этот мир терпения и будут приходить еще восемь тысяч раз". Это означает, что посещение нашего мира Буддой и боддхисаттвами будет продолжаться и впредь, покуда мир полон нестерпимых страданий. Их любовь не знает границ.

Огромным вкладом китайцев в буддизм была идея труда. Первая сознательная попытка утвердить труд в качестве буддийской ценности, была предпринята Хуа Ку Жо около тысячи лет назад. Он был основателем монастырской системы Дзэн в отличие от других буддийских учреждений. До Хуа Ку Жо буддийские монахи посвящали себя в основном учению, медитации и соблюдению заповедей - виная (*vinaya*). Хуа Ку Жо не удовлетворился этим. Он вдохновился примером Эно, шестого патриарха, который был фермером в южном Китае и зарабатывал на жизнь рубкой дров и продажей топлива. Когда Эно разрешили присоединиться к общине, ему было поручено сеять рис на заднем дворике обители, быть истопником и выполнять всякую другую вспомогательную работу. Когда Хуа Ку Жо организовал новый монастырь исключительно для монахов Дзэн, одним из его правил стало требование трудиться; каждый монах, включая и самого настоятеля, были заняты какой-нибудь физической работой. Даже когда Хуа Ку Жо состарился, он

отказался оставить свою работу по саду. Его ученики беспокоились о его здоровье и старались припрятать его садовый инвентарь, чтобы он не мог столь же усердно трудиться, как и раньше. Но Хуа Ку Жо воскликнул: "Если я не буду работать, то не буду и есть!"

В связи с этим наблюдается одна характерная черта в храмах и монастырях Дзэн как в Китае, так и в Японии. Они содержатся в чистоте и порядке, а монахи готовы взяться за любую физическую работу, какой бы грязной и неприглядной она ни была.

Такой дух трудолюбия глубоко укоренился в сознании китайцев с древнейших времен, что я уже отмечал в первой главе, когда писал о крестьянине Чжуан-цзы, который отказался от технических приспособлений и не возражал против любой работы, лишь бы она была ему по душе. Это не соответствует западной и, в конечном счете, общей современной идее, будто изобретения облегчают всякий труд. Когда современные люди избавляют себя от работы и обретают массу свободного времени для удовольствий или других праздных занятий, то начинают жаловаться на неудовлетворенность жизнью или изобретают оружие, которое способно уничтожить тысячи человеческих жизней путем простого нажатия кнопки. Послушайте, что они говорят: "Это способ сохранения мира". Не пора ли понять, что когда злые силы, скрывающиеся в глубинах человеческой природы, не разрушены и когда только голый интеллект получает свободу действовать так, как ему заблагорассудится, тогда он находит простейший и скорейший путь стереть себя самого с лица земли? Когда крестьянин Чжуан-цзы отказался механизировать свой труд, не провидел ли он всех зол, которые явились спустя двадцать один или двадцать два века после него? Конфуций говорил: "Когда у ничтожного человека много свободного времени, он наперняка начнет делать дурные дела".

В заключении позвольте предложить вашему вниманию то, что можно назвать самыми высокими добродетелями боддхисаттвы или последователя Дзэн. Они известны под названием шесть парамит (*paramitās*):

- I. Дьяна (*dāna*) - милосердие
- II. Шила (*śīla*) - наставление
- III. Ксанти (*ksānti*) - смирение
- IV. Вирья (*vīrya*) - мужество
- V. Дхьяна (*dhyāna*) - медитация
- VI. Праджня (*prajñā*) - мудрость

I. Милосердие или дарение обращено на пользу и благоденствие всех существ - сарвасаттва (*sarvasattva*). Даруется все, что может быть подарено: не только материальные вещи, но также и знание, религиозное или духовное. Все боддхисаттвы всегда были готовы отдать свои жизни во имя других. (Фантастические истории о боддхисаттвах рассказаны в Джатаках (*Jataka Tales*).

История японского буддизма дает один показательный пример самопожертвования со стороны учителя Дзэн. Это было в период, известный как Эра Войны, когда Япония в XVI в. распалась на ряд независимых княжеств под властью военной элиты. Ода Набунага был один из самых могущественных среди них. Когда он нанес поражение соседнему клану Такеда, то один из них нашел прибежище в монастыре Дзэн. Войска Ода потребовали его выдачи, но настоятель отказал, сказав: "Теперь он находится под моим покровительством, как последователь Будды, я не могу выдать его". Предводитель осаждавших пригрозил сжечь весь монастырь вместе с обитателями. Так как настоятель упорствовал, то весь монастырский комплекс, включавший несколько строений, был предан ог-

ню. Настоятель с несколькими монахами поднялись на второй этаж башни, где все они сели, скрестив ноги. Настоятель посоветовал им всем делиться возникающими мыслями, поскольку пришла пора приготовиться к смертному часу. Каждый из его верных сподвижников сказал свое слово. Когда дошла очередь до настоятеля, он тихо прочитал по памяти следующие строки, которым не суждено было сгореть:

Для практикующего медитацию
Нет необходимости уединяться на горе.
Имей ум, очищенный от страстей.

И тогда даже пламя покажется тебе прохладным.

II. Шила (*śīla*) есть изучение наставлений, данных Буддой, которые призывают к праведной жизни. Для бездомных наставления означают призыв к воссоединению в братской общине - сангхья (*sangha*). Сангхья - модель идеального общества, где ведут мирную и гармоничную жизнь.

III. Ксанти (*ksānti*) обычно понимается как "смирение", но на самом деле это означает "терпеливо, даже хладнокровно, следовать по пути унижений". Или, как говорил Конфуций: "высший человек должен развить в себе невосприимчивость к боли, даже если его работа или заслуги не находят признания у окружающих". Последователи Будды также не должны чувствовать себя униженными, когда они непоняты или даже если их несправедливо преследуют. Они должны невозмутимо следовать своим путем при любых неблагоприятных обстоятельствах.

IV. Вирья (*vīrya*) этимологически означает "мужество". Оно всегда должно быть направлено на достижение того, что соответствует Дхарме.

V. Дхьяна (*dhyāna*) - сохранение спокойного состояния ума в любых обстоятельствах, как благоприятных, так и в неблагоприятных; это способность не впадать в удручение или подавленность, даже если одна неприятность следует за другой. Здесь нужна серьезная тренировка.

VI. Праджня (*prajñā*). Для этого понятия не существует английского эквивалента. Нет их и в других европейских языках, поскольку европейцы не имеют духовного опыта, сколь-нибудь напоминающего *праджню*. Праджня - особое переживание человека, когда он чувствует в глубинах своего существа бесконечную тотальность вещей. Говоря языком психологии, это переживание конечного эго, разрывающего свою тягостную оболочку и обращающегося к бесконечному, которое порождает все конечное, ограниченное и потому преходящее. Мы можем рассматривать подобный опыт как целостную интуицию того, что выходит за пределы любого нашего частного, специфического опыта.

(5) Теперь мы пришли к последнему шагу, кэн тю тэ (*ken chū tō*). Разница между ним и четвертым шагом - в употреблении *тэ* вместо *ти*. *Ти* и *тэ* означает, в сущности, одно и то же действие: "прибытие", "достижение". Но, согласно традиционной интерпретации, *ти* еще не завершило акта достижения, путник еще на пути к цели, тогда как *тэ* выражает завершение действия. Приобщенный к Дзэн постигает здесь свой объект, поскольку достиг понимания своего предназначения. Он работает столь же усердно, как и всегда; он продолжает оставаться в мире среди других живых существ. Его повседневная деятельность не изменилась, изменился он сам. Хакуин, основатель современного Ринзай Дзэн в Японии, так говорит об этом:

Наняв этого безумного мудреца,
Давайте вместе работать,
чтобы наполнить колодец снегом.

После всего вышесказанного мало что можно добавить к жизнеописанию последователя Дзэн; поскольку его внешнее поведение значит немного, он погружен во внутреннюю жизнь духа. В миру он может быть в лохмотьях и работать на положении малозначительного работника. В феодальной Японии малоизвестные адепты Дзэн часто оказывались даже среди нищих. Приведу еще один пример на эту тему. Когда один из таких людей умер, его чашу для риса, с которой он странствовал в поисках еды, случайно осмотрели и нашли надпись на классическом китайском, в которой выражался его взгляд на жизнь и его понимание Дзэн. Банкей, великий мастер Дзэн, сам был однажды в компании нищих, прежде чем стал известным и согласился учить одного феодала.

Перед тем, как закончить, приведу еще пару мондо, характерных для Дзэн и, надеюсь, проливающих дополнительный свет на жизнь приобщенного к Учению. Возможно, что одна из самых примечательных черт этой жизни состоит в том, что идея любви, как она понимается в буддизме, начисто лишена эротизма, который явно обнаруживается в деятельности многих христианских святых. Их любовь направлена на Христа совершенно особым образом, в то время как буддисты почти ничего не испытывают по отношению к Будде, но только по отношению к своим братьям, как посвященным, так и непосвященным. Их любовь проявляет себя в форме щедрого и самоотверженного служения другим, как мы это видели выше.

Жила одна старая женщина, которая содержала чайную у подножия Горы Тайшань, где был расположен известный на весь Китай монастырь Дзэн.

Однажды странствующий монах спросил ее, как пройти в монастырь, и она ответила: "Иди прямо вперед". Когда монах пошел в указанном направлении, она заметила: "Есть еще один, кто идет этой дорогой". Монах не понял, как толковать ее замечание.

Наконец, оно стало известным Дзёсю и он сказал: "Что же, надо пойти и посмотреть, что это за женщина". Он тронулся в путь и, дойдя до чайной, спросил старую женщину, какая дорога ведет к монастырю у Горы Тайшань. Она уверенно сказала, что ему следует идти прямо, и Дзёсю поступил также, как поступали прежде все монахи. Женщина заметила ему вслед: "Добрый монах, он следует той же дорогой, что и другие". Когда Дзёсю вернулся в свою общину, то сообщил: "Сегодня я понял ее до конца!"

Мы вправе спросить: "Что нашел учитель в старой женщине, если его поведение ничем не отличалось от поведения других монахов?" Это тот вопрос, который каждый из нас должен разрешить самостоятельно.

Подведем итоги. Дзэн предлагает нам следующее: стремиться к Просветлению самому и помогать другим в его достижении. Есть в Дзэн и то, что может быть названо молитвами, правда они сильно отличаются от христианских. Четыре из них пронумерованы, причем две последние в каком-то смысле являются расширенным толкованием двух первых:

I. Как бы ни были бесчисленны живые существа, Я молюсь, чтобы они спаслись.

II. Как бы ни были неисчерпаемы страсти, Я молюсь, чтобы все они были вырваны с корнем.

III. Как бы ни было безмерно разнообразие Дхармы, Я молюсь, чтобы ей можно было научиться.

IV. Сколь бы высоким ни был путь Будды, Я молюсь, чтобы пройти его.

Дзэн, возможно, предстает слишком загадочным, сокровенным и полным потиворечий, но, вместе с тем, он есть исключительно ясное учение, призывающее

Делать добро,
Избегать зла,
Просветлять сердце:
Таков Путь Будды.

Разве это не применимо ко всем человеческим ситуациям, древним и современным, на Западе и на Востоке?

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ
3

I.
ВОСТОК И ЗАПАД
9

II.
БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ
В ДЗЭН-БУДДИЗМЕ
21

III.
ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ
В ДЗЭН-БУДДИЗМЕ
39

IV.
КОАН
65

V.
ПЯТЬ ШАГОВ (GO-I)
84

Д.Т.Судзуки
Лекции по Дзэн-буддизму

Редактор

М.Б.Бакусева

Младший редактор

Э.М.Папаева

Технический редактор

З.С.Кондрашова

Художественный редактор

Л.Д.Жуйкова

Корректоры

Т.Л.Прудникова,

И.Б.Камынина

Подписано к печати 25.11.92 Бумага офсетная. Формат 60x90^{1/16}
Усл. печ. листов 7,0 Тираж 10000 Заказ 1650 Цена

АППП "Укрттипроект". 252057, Киев-57, ул. Эжена Потье, 12

